

Александр Плетнёв

АДМИРАЛЫ АРКТИКИ

Адмиралы Арктики

Вскормленные льдами

Углём и атомом...

Военная фантастика
коллекция

Александр Владимирович Плетнёв
Адмиралы Арктики: Адмиралы
Арктики. Вскормленные
льдами. Углём и атомом...
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74664506

*Адмиралы Арктики: Адмиралы Арктики. Вскормленные льдами. Углём
и атомом....
ISBN 978-5-17-192750-9*

Аннотация

Арктика. Безлюдная снежная пустыня, где время заledenело между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне».

Где пропадали корабли и целые экспедиции, где и поныне можно ждать чего угодно, когда необъяснимая аномалия вдруг выбрасывает современное российское судно ледового класса из этого самого «сегодня» во «вчера».

Во «вчера», где за бортом... на дворе 1904 год со всеми историческими реалиями: Российская империя, Русско-японская война, Николай II, адмирал Рожественский....

Мировое сообщество считает, что эскадра Рождественского застряла во льдах и миссия арктической экспедиции провалилась. Тем не менее попавший в начало XX века ледокол «Ямал» благополучно и уверенно взял эскадру под проводку Северным морским путем. Но это не значит, что маршрут будет легким и экспедицию не ждут все сложности ледового перехода, тяжелые северные будни и даже потери.

И то, что императорская ставка в Санкт-Петербурге сумела провести успешную дезинформацию, не означает, что враг не подстраховался – отправив к северным широтам, к Берингову проливу, боевой дозор.

Содержание

Адмиралы Арктики	6
Пролог	6
Белым ляжет невинность снега...	9
Через край непокорной рекою	14
Белым ляжет вечность – время...	28
Несколько дней назад или на сто лет вперед	38
Спустя – неторопливой стрелкой на часах	64
Не подслушанный разговор	114
Чтоб не спугнуть тишину...	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

**Александр
Владимирович Плетнёв
Адмиралы Арктики
Вскормленные льдами
Углём и атомом...**

© Александр Плетнёв, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Адмиралы Арктики

Пролог

Вереница саней, запряженных в собачьи упряжки, мчала, скользя, стелясь по снегу почти с природной гармонией. Гоняемые длинными шестами и покрикиваниями каюров-поморов, саамские лайки тянули со всех своих собачьих сил, на ходу наклоняя морды, щелкая зубами, заглатывая в пересохшие глотки снег.

Ледяная пустыня источала серый туман, стелящийся густыми лоскутами, и, озираясь, Ивор по прозвищу Свен (за свои шведские корни) угадывал в прорехах этой пелены едва видимые серебристо-темные тени.

Погоня была уже совсем близко, рыча по-звериному, по-волчьи. Воображение рисовало ему именно волков, не белого медведя – хозяина здешних мест, не рысь, не росوماху, охотящуюся там, в тайге на далеком берегу, а стаю волков.

Это порывание было чем-то похоже на механическое, но Свен и слова-то такого не знал, а потому окрестил так, как ему слышалось и виделось. Такова человеческая натура всему давать свое название, заворачивая в обертку понятно-го, тем самым изгоняя страх неведомого.

И он почти угадал... человек, возглавлявший догоняю-

щий отряд, носил именно это прозвище, по своей фамилии – Вóлков.

Собакам в упряжке передавался страх возницы и пассажиров. Псы поскуливали, подвывая, слыша сзади непонятный и от того еще более пугающий рык. Иногда попадая лапой на острый наст, жалобно тявкали, шумно дыша от бешеного темпа, все еще сохраняя силу.

Часть «волков-преследователей» стала обходить слева. Рычание изменилось, наполнившись рваными ритмами, словно в предвкушении добычи: «Ры-ры-к-ма-у-у! Ры-ы! Ры-ры-ры!»

Два иноземца-пассажира за возницей что-то выкрикивали через вой ветра на своем языке, еще бодрились, клацая затворами винтовок, но помор уже понимал – не уйти.

Бах! Бах! Пассажиры не выдержали, стали стрелять, и тотчас в ответ донеслось, растекаясь в густом тумане частыми хлопками. И тут же просвистели пули, как зудящие москиты – над самым ухом. Но сзади – выкрик... и Свен почувствовал, как облегчились сани, всхлипнуло резким запахом крови в ледяном дыхании снежной пустыни.

Гнать прямо собак было бессмысленно – тот, кто обошел слева, уже забежал вперед, охватывая.

Свен увидел, как впереди идущие сани повернули вправо. И он следом повторил их движение в поворот, все еще пытаясь оторваться от погони.

В спину остервенело впилося смертельное жало, выбив

дух, толкнув погонщика вперед, на сани.

Собаки, почувствовав слабость, замедлили бег и в конце концов остановились.

Сознание балансировало на грани, то уходя, то возвращаясь, тупой ноющей болью сковывая хребет. Через время придя в себя, помор мутным взглядом увидел склонившегося над ним человека в белой с пятнами одежде, в облегающих, закрывающих пол-лица очках с желтоватыми стеклами.

Человек встретился с ним взглядом, говоря что-то непонятное, словно не ему, а куда-то вдаль на почти знакомом:

– Порядок, «Углич». Зачистка.

Сознание Свена медленно уходило из раны в спине вместе с кровью и теплом тела.

Белым ляжет невинность снега...

*Белым ляжет невинность снега.
Рисовать я ее не берусь
Лишь пою, лишь пою свою грусть.
Будут дети, как прежде, бегать.*

Получив начало с 1584 года, в большинстве построенный на приболоченной местности по обоим берегам Северной Двины, окруженной хвойными массивами, Архангельск возводился именно этим самым доступным материалом – строительным лесом.

И даже в середине двадцатого столетия на окраинах города можно встретить дощатые тротуары и следы-остатки некогда проложенных деревянных дорог.

Не говоря о порой неплохо сохранившихся домах из бруса, обшитых потемневшей доской, стоящих нижними венцами на медленно подгнивающих сваях (не на фундаменте). Многие из этих упрямых и прочных реликвий дожили до времен асфальта и «внутреннего сгорания», чувствительно покачиваясь от проезжающих мимо тяжелых грузовиков.

Однако вернемся немного назад – к началу двадцатого века, когда еще полновластно двигал «пар». Впрочем, и от паруса массово еще не отказались.

Архангельская губерния – северный «фасад» империи, раскинувшийся от Финляндии до Урала, соприкасающийся с холодными водами Ледовитого океана, суровая правда жизни окраины, более полугода заснеженной, прихваченной льдами.

Потеряв свое значение как город-порт после основания Санкт-Петербурга, Архангельск только к девятисотым годам второго тысячелетия от Р. Х., с развитием торгового мореплавания, дотянувшейся (наконец) узкоколейной железной дороги, прокладкой телеграфной связи, получил новый импульс к развитию порта, как и всей губернии.

Летом с открытием навигации Северная Двина несет мимо Архангельска мутные желтые воды, давая выход к просторам океана с рыболовным и зверобойным промыслом, к торговым морским путям и европейским странам.

Зима же – долгая, и ледостав, длящийся 180–190 дней, почти до конца мая, сковывает берега не только Двины, но и Белого моря, закупоривая морскую дорогу к архангельским причалам и от...

С приходом зимы пикантный привкус портового города с прямыми новостями из Европы, веяньями и модами, заметеливается, замораживается... жизнь замирает. Северный край словно впадает в спячку, снова становясь захолустьем империи.

И если посмотреть с высоты полета, то огромная терри-

тория превращалась в сплошное белое заснеженное поле. Тракты и гужевые дороги к поселениям и местечкам засыпает, обновляет чистым снегом. В архангельские гавани на зимний прикол обустройства суда.

Дошедшая от Вологды к левому берегу Северной Двины железнодорожная ветка, как это у нас водится по вечной необустроенности, регулярно требовала ремонта и восстановления. После размыва грунтовыми водами, оползней и прочих каверз природы, и дураков. Поэтому курьерская почта хоть и претендовала на регулярность, доходила с запозданием.

Тем не менее единственный на то время незамерзающий порт русского севера – Александровск (в будущем г. Полярный) был включен в линии губернской телеграфной связи и дальше... И дальше по сети «Архангельск – Санкт-Петербург», проложенной вдоль почтового тракта, пусть окольным путем, но вполне надежно, молодой город губернии Александровск привязывался к Центральной России.¹

Еще в незамерзающих заливах и бухтах Мурмана существовали становища поселенцев и рыбных промысловиков, а на восточной стороне Мурманского берега были основаны спасательные станции, к которым в том числе протянуты ветки промыслового телеграфа.²

¹ Романов-на-Мурмане (в будущем Мурманск) будет заложен только в 1916 году.

² Мурман – так назывался мурманский берег, приморский берег Баренцева мо-

Не сказать, чтобы Архангельск зимы-весны 1904 года был совсем уж «сонным царством». Все-таки на другом краю империи шла война с Японией, что как минимум не могло остаться без внимания. Более того – волновало! Кого-то и лично – по сухим данным статистики, более четырех тысяч уроженцев Архангельской губернии были призваны и отправлены на Дальний Восток.

Однако новость пришла в тихий Архангельск совсем с другой стороны. С моря.

О нет! Вести с моря приходили частенько, вплоть до эпикальных!

Тогда, когда были связаны с героическими экспедициями к полюсу...

Смелыми первооткрывателями...

Пропавшими полярниками...

Спасенными из ледяного плена (часто через год-два) зимовщиками...

И трагическими смертями.

Нынешняя же сенсация всколыхнула и взбудоражила своей фантастичностью, буквально на грани неверия, если бы не нашлись свидетельства от разных источников: наскоро сделанные одним любителем рисунки (которым почему-то особо поверили) и даже реальное фото.

Фото-позитивы, правда, дошли до Архангельска чуть позже, как и позже закрутились все шестеренки этой истории.

Через край непокорной рекою

*Только скрытая тайна все тело наполнит
Через край непокорной рекою.
Может, в детстве так было, вот только не
помню.
Промолчу, промолчу – успокою.*

Когда кольский уездный исправник телеграфировал в Александровск, что около берегов Мурмана замечены иностранные траулеры, под парами в Екатерининской гавани стоял только пароход «Лейтенант Скуратов». Или как тогда было принято орфографией – «Лейтенанть Скуратовъ».³

Получив с посыльным от начальника пограничной стражи предписание выйти в море, командир «Скуратова» немедленно отдал соответствующие распоряжения.

Вообще-то для такого дела лучше бы подошли более скоростные боты-крейсера... «Скуратов» же, винтовая шхуна английской постройки, бывшее посыльное судно «Бакан», имел один существенный недостаток – малый, всего девяти-узловый ход.

³ Кольский полуостров (устаревшее название Мурман, Кола) – полуостров на северо-западе Европейской части России. В 1899 году Кольский уезд переименовали в Александровский, но жители по привычке продолжали поминать прежнее название.

Ранее, пребывая в роли «охранного крейсера», обладая четырьмя орудиями, «Бакан» зачастую просто отпугивал браконьеров только появлением своего силуэта на горизонте – норвежцы быстро поднимали парь и нередко легко уходили от преследования.

В дальнейшем шхуну разоружили, исключили из списка судов, затем переименовали в блокшив № 5, намереваясь переделать в плавучую мастерскую для нужд дирекции. Однако после проведения капитального ремонта переквалифицировали в транспорт, вновь включив в список как пароход «Лейтенант Скуратов».

Правда, установленные в ходе ремонта новые котлы Балтийского судостроительного завода прыти пароходу не добавили.

Командовал «Скуратовым» Престин Константин Иванович. Будучи простого, не дворянского рода, закончив штурманское отделение Технического училища Морского ведомства, Константин Иванович сумел дослужиться до штабс-капитанского чина Корпуса флотских штурманов.

Вторым старшим офицером на судне был мичман «из отставки».

Прохлюпав в указанный район, разглядев в бинокль нарушителей, Престин удостоверился, что траулеры на поверку оказались одной средненькой паровой шхуной и двумя ботами под норвежскими флагами. Достаточно плюгавыми, что

не мешало им нагло заниматься промыслом трески в российских водах.

Русского тихохода, видимо, тоже опознали и, не дожидаясь близкого контакта, бросились наутек.

Два бота, наваливая из длинных труб густо и темно, весьма резво бодали волну с ясной целью уйти к своим берегам, тогда как не менее чадаящая шхуна совершенно неожиданно отвернула на норд-ост.

Константин Иванович честно посомневался – «парочка», на его взгляд, была перегружена уловом. Подрезая курс, боты с трудом, но можно было бы догнать. С другой стороны, отвернувший «одиночка» едва ли давал семь узлов.

Решив не усложнять, русский капитан погнался за более доступной целью.

Но как оказалось, норвежцы его провели!

Дождавшись, когда подельники уйдут на безопасное расстояние и погоня за ними будет уже немыслима, «норвежец» прибавил, став постепенно отрываться от преследователя.

Какое-то время думали загнать браконьера в ловушку, прижав к дрейфующему ледяному полю, до которого, правда, было несколько миль. Но капитан шхуны, видимо, тоже был в курсе ледовой обстановки и стал отворачивать на восток.

Гонка на девяти узлах продолжалась еще несколько часов, все дальше уходя в зеленые волны северного Баренца. А потом капитан «Скуратова» понял ее бесперспективность и дал отмашку поворачивать домой. К тому же над водой стал сте-

литься туман, и браконьерская шхуна совсем потерялась из виду.

Взглянув на хронометр, прислушавшись к мерному стуку машины, Престин прикинул, сколько им еще идти обратно до Александровска – все одно особо спешить некуда. И, приказав сбавить ход до шести узлов, разочарованно ушел к себе в каюту.

А уже через три часа его вызвал возбужденный помощник. Когда он поднимался по трапу на палубу, ему в глаза сразу бросилось то, из-за чего случился переполох...

Со стороны норда, практически там, куда умотала шхуна-браконьер и где раскинулись сплошные ледяные поля, медленным белым светом наливался горизонт, поднимаясь выше к небу. Это не было похоже на вспышку, на мерцание северного сияния – а именно медленное заволакивание серой хмари и тумана наползающим белым светом.

А еще накатил на голову зудящий звон, как в ушах бывает... да быстро вышел весь.

– Вы когда-нибудь нечто подобное видели, Константин Иванович? – завороченно глядя за корму, вымолвил помощник.

Капитан не ответил, подсознательно подмечая, как стих ветер, перестав посвистывать в такелаже, и все звуки стали словно глухими, исказив голос мичмана. На поверхность воды упал полный, совершенно неестественный штиль.

– Велите перекладывать руль, – приказал он мичману, –

надобно взглянуть поближе на это.

Выписав принужденную циркуляцию, лохмато задымив из трубы, «Лейтенант Скуратов» поспешил на разведку.

Через час странный белый свет стал рассеиваться, подпернуло выше и серую дымку, оголяя ширину горизонта. По-прежнему подозрительно штилило.

«Норвежца» обнаружили на румб левее, чем ожидалось. Шхуна, едва куря дымком из трубы, судя по всему, наворачивала неуправляемые круги – ее черная метка на поверхности воды то становилась совсем маленькой, то распластывалась в профиль.

Уже подходили ближе. В бинокль подтверждалось – «норвежец» будто потерял управление и никак не реагировал на русское сторожевое судно.

Слышали уже почухивание его машины, на палубе – ни движения. И только когда обшарпанный борт и надпись названия, которую прочитали как «Витберн» (Белый медведь) стали различаться невооруженным взглядом, на шхуне словно проснулись – на палубе появилась пошатывающаяся одинокая фигура в шапке-малахае.⁴

Мичман дернул свисток, и «Лейтенант Скуратов» взвыл сиреной – требование остановиться. На мачте затрепыхались

⁴ Малахай шьется как обычная шапка-ушанка – верх из меха, внутренние части из кожи и замши.

сигнальные флажки, с тем же приказом.

Поравнялись бортами с браконьером. В нос ударил смешанный запах рыбы и воровани, наверное, пропитавший старую шхуну до самых «косточек».

Взяв рупор, Престин на ломаном норвежском прокричал.
– Требую остановиться.

Ноль внимания – кряжистый рыжебородый норвежец лишь поднял багровое, обветренное лицо и снова опустил, шаря рассеянным взглядом по палубе своего судна.

– Вы говорите по-русски? – снова в упор в рупор.

Норвежец что-то бормочет в ответ, поднимая тяжелый взгляд, отрицательно покачивая головой – доносится:

– Нау!

– Застопорите ход! – Престин настырно пробует немецкий и английский языки: – Кэптен «Витберн», стоп машин!

Норвежец мечет угрюмые взгляды, пытается раскуриться – не получается. Засунув обратно кисет и трубку, он, наконец, грузно спускается вниз.

Спустя минуту мотор браконьера прекратил постукивание, и шхуна легла в дрейф.

Полный штиль позволял притереться бортами и перепрыгнуть на «иностранца». Что и проделала часть русской команды во главе с командиром.

Картина, что открылась им за фальшбортом шхуны, производила впечатление: норвежские матросы – как на подбор

плечистые парни, привалившись кто куда, будто контуженные лупали глазами, открывая рты, мыча что-то нечленораздельное.

Стуча деревянными подошвами грубых сапог, из трюма появляется рыжебородый, успев, видимо, побывать в своей каюте – сменил шапку на старую, потрепанную капитанскую фуражку. Теперь видно, что это немолодой мужчина, а его рыжая борода скорее вся седая. Взгляд шкипера прыгает, меняясь от злого (на русских) до растерянного (на своих матросов).

– Что произошло? – спрашивает Престин.

– Белый свет, – хрипит шкипер, – а потом корабль – черно-красный демон Валгаллы с зубатой пастью. Огромный корабль!

Видно, что команда шхуны медленно приходит в себя – кто-то даже привстал, опираясь на заляпанные салом вонючие бочки.

Шкипер немного успокаивается, облегченно вздыхая. Снова достает свой кисет, не торопясь набивает трубку. Весь его вид говорит: «Черт вас, русских, принес!».

На вопросы он отвечает неохотно, упомянув Сваальбард (видимо, порт приписки). А на произошедшее с ними опять заладил про «большого красного демона», прибавив «рошен шиф» (русский корабль), и махнул рукой на норд, дескать «туда ушел».

Престин на «рошен шиф» внимания не обратил, став вы-

смаатривать в бинокль горизонт на севере, и неожиданно заметил черную точку с признаками красного цвета, удивившись вслух:

– А ведь этот старый норвежский медведь не врет! – И подумал: «Конечно, на воде зрительно расстояние обманчиво, но каким бы ни показался огромным этот загадочный корабль норвежскому шкиперу, его очертания весьма хорошо просматриваются. Возможно, не так уж он и далеко. Попробовать нагнать? Тем более там уже скоро граница ледяного поля. Куда он денется?»

Престин еще сомневался, когда вернулась досмотровая команда, доложив, что рыбы в трюме совсем мало.

Возиться с браконьером не имело смысла, а некая загадка – вон она! Совсем близко!

Не став выполнять даже минимальных формальностей, русские моряки перемахнули на борт своего судна.

Раскочегарив 800-сильную паровую машину, «Лейтенант Скуратов» быстро набрал фактические девять узлов.

Но быстро не получалось. Вожденная «красная тряпка» вроде бы как и не уменьшалась в приблизительных размерах, но и не приближалась, маяча на горизонте, к которому масштабно добавился новый пейзаж – сначала темная, а потом побелевшая полоска ледовой границы.

На пути «Скуратова» все чаще стали появляться ледяные обломки и целые мини-айсберги. Приходилось лавировать, а

к привычным звукам шелеста волн и пыхтения паровой машины добавлялись глухие стуки о борт докучливого мелко-го крошева.

Престин поглядывал на хронометр, на небо и снова брался за бинокль, выискивая цель.

Май – начало полярного дня. Солнце раздумывало у горизонта, в серой пелене неба, совсем потускнев. Время вторило вращению планеты лишь циферблатом и стрелками. Красный «летучий голландец» безмерно удивлял – уже шел в белом заснеженном поле. Эдакое красное на белом. Палубу качало, и изображение, проходя через объективы, призмы и окуляры, прыгало, размазываясь багровыми мазками.

Если присмотреться, угадывалась сизая дорожка взломанного льда.

Старший помощник, порой баловавшийся живописью, делал размашистые наброски цветными карандашами на чистом листе, хватаясь для уточнения за бинокль.

– Ледокол! – догадавшись, выдохнул мичман и удивленно взглянул на капитана. – Это ж сколько он выжимает? А ведь там дальше не пара футов, там все шесть! Там толщина льда ого-го-го!

«Силище! – не вслух согласился Константин Иванович, подкручивая ролик своего бинокля в настройке резкости. И все равно ничего, кроме угловато-коробчатой надстройки красного цвета с венчиком узкой высокой черной трубы, рассмотреть не удавалось. – Вид строго с кормы. Но не ды-

мит! На нефти? Кто сейчас может строить такое? Наверняка наши законодатели во флоте – британцы. Но могут и немцы... и даже датчане! Сей факт следует срочно донести до начальства и военного ведомства».

Дымка на горизонте совсем уж уплотнилась, либо солнце, наконец, ушло за край, уступив немного ночи. Вскоре стало понятно – идти при такой видимости во льдах и айсбергах опасно.

Цель ближе не стала, и надо возвращаться.

«И надо доложиться, – еще раз для себя утвердился Престин, – и вообще... это требует определенного догляду и дознания».

* * *

Но первыми весть о странном корабле, как и о необычном явлении «белого свечения», принесли промысловики одного из крестьянских судохозяйств на побережье Мурмана, что ближе к Белому морю, у залива Святого Носа.

Набив треской трюмы, в свое становище рыбаки обернулись быстрее, нежели еще кто-то из промышлявших поблизости. По губернской программе поселок был обустроен промысловым телеграфом, и перепуганные колонисты не преминули (со всем почтением) сообщить о «бесовщине» уездному исправнику.

Посумлевавшись немного, тот о происшествии доложил

наверх.

Далее подогрели новость поморы, две парусные шняки которых забрели в Екатерининскую гавань.

Быстро избавившись от улова, суровые обветренные старожилы поначалу были сдержанно хмуры, описывая «красный призрак», но как все коренные жители Севера, имевшие слабость к крепким напитками, оседлали припортовое питейное заведение и, медленно набираясь, раз за разом пересказывали всем желающим, не отказывая себе в приукрашивании.

Так что почва была подготовлена! И когда «Лейтенант Скуратов» вернулся в Александровск, слухи уже гуляли, распolzаясь мгновенно, как водится, обрастая новыми подробностями от пересказа к пересказу.

Начали судачить не только в порту – матросы, рыбаки и остальная припортовая братия. Тема была самая обсуждаемая, как на рынках у черни, среди у купцов и разночинцев, так и у местной знати.

Любительские зарисовки мичмана подхватили писаки из «Губернских новостей», состряпав чуть ли не на второй странице статейку – нечто конспирологическое, вообще найдя в «красном на белом» японский след. А на возражение скептиков «как загадочный корабль могли видеть одновременно в разных местах», тиснули вполне научную гипотезу некоего «ученого инженера из столиц» об «атмосферных линзах, рефракции и миражах».

Читатели, надо сказать, не поняли, но приняли на веру.

Заскучавший за зиму Архангельск жадно впитал и подхватил эту маленькую сенсацию, причмокивая за чаями-кофеями вполне уважаемыми и серьезными гражданами.

Архангельский губернатор Николай Георгиевич Бюнтинг, само собой, чисто по-человечески тоже интересовался... скажем, не без снисходительности и иронии, так как, имея немецкие корни, был человеком прагматичным, здравомыслящим, не допускавшим всякие фантазии и прочий спиритизм. Ко всему, недавно вступив в должность, не совсем проникся местными реалиями. Да и статус не позволял принимать сплетни и домыслы.

Но когда объявился свидетель, состоящий на службе у государства, то бишь лицо «в ранге», Николай Георгиевич с чувством удовлетворения дал ход своему начальственному любопытству. Более того, потребовал к себе практически единственного официального очевидца.

И получилось на удивление быстро (у Престина) – и в Архангельск съездить, и обратно.

А поскольку губернатор в докладе командира «Лейтенанта Скуратова» увидел трезвый и взвешенный взгляд на произошедшее (без всяких там глупых умозаключений, «но факт остается фактом»), то, посоветовавшись с морскими чинами, решили организовать патрулирование и дозор силами охранных судов, для прояснения необъяснимого случая.

Какое судно получит это задание, сомнений ни у кого не возникло. Так как было видно, что начавшийся весенний лов трески потребует усиленного присутствия скоростных ботов-крейсеров в противодействии норвежским браконьерам, а тихоход «Скуратов» самое оно!

– Что ж, голубчик... – Николай Георгиевич Бюнтинг, признать себе, не знал, как лучше обращаться к капитану Престину.

«Люди те же, чины и звания такие же, – мелькнуло в любопытных глазах нового губернатора, – но тут, на севере, все разговаривают и относятся друг к другу немного иначе. Что вроде бы проявляется неуловимо, но заметно, если глядеть сторонним взглядом».

– Так что, Константин Иванович, как говорится – чья инициатива, тому и выполнять, – Бюнтинг слегка развел руками. – На мой взгляд – сухопутного и невоенного человека, совершеннейшая полумера, но в ваших северных... полярных условиях я совершенно несведущ. Да и повода пока горячиться не нахожу, несмотря на усилия газетчиков раздуть «японскую» панику. Однако коль изыщите нечто любопытное, всенепременно извещайте меня, в любое время дня и ночи-с.

Вот и получилось (повторяясь) – быстро, несмотря на встречи-чаепития, прощания, напутствия-инструкции, версты санного пути....

И судно, по прибытии в Александровск, к новой вылазке по велению губернатора, стараниями портового начальства, старпома и команды было исправно и готово.

Задачу «Скуратову» с экипажем поставили бесхитростную и не сложную, не включающую в себя преследование по льду, либо по воде – просто подойти к границе ледового поля и курсировать в дозоре. Вдруг вернется...

Престин не стал высказывать сомнения, что неизвестный корабль может и вовсе не возвращаться. Или вообще уйдет другим маршрутом, учитывая, с какой легкостью он взламывал ледяное поле.

Ответил по-военному «есть» и откланялся.

Что еще можно сказать? Откуда появились фотоснимки, так и не выяснили (никто и не пытался). Хотя чего уж там – пара «норвежцев» и один «англичанин» в Екатерининскую гавань заходили, пока суть да дело. И где бродяжничали, чего видели – они не особо распространялись. Стало быть, кто-то из них.

Белым ляжет вечность – время...

*...и дорога! Фáта⁵
Снегом белым все укрыла
И несет, словно на крыльях,
Куда-то...*

«И вот же чертовщина какая, – мелькает запоздалая мысль, – мы только на третьи сутки, после того как облазили Землю Александры и ближайшие острова, примерно сообразили – куда, а верней, ⁶„в когда“ нас занесло!»

Пусть это и было самое простое решение, но в той ситуации вполне в логике – пошли утвержденным маршрутом, взламывая лед... и мозг: что же с нами все-таки произошло?!

Кто-то потирал ушибленные углы человеческого тела, кто-то затылки – все с тем же вопросом: «Что за фигня?!», поминая «белый свет в глаза», перед тем как потерял сознание...

– Все вокруг стало ну точно как кинолента засвечивающаяся, и-и-и... бац! – взъерошенно прокомментировал главмех. Сам он любитель-кинооператор еще с лохматых времен, вот у него и возникли первые ассоциации.

⁵ Имеется в виду фáта-моргана. Фея Моргана (Fata Morgana, *итал.*) – оптическое явление в атмосфере. Мираж, способный двигаться, менять угол своего преломления, двоиться.

⁶ Земля Александры – остров в архипелаге Земля Франца-Иосифа.

Это было самое точное описание последнего, что успели выхватить многие перед отключкой.

Только скрытая тайна все тело наполнит...

Иногда ветер с севера подхватывал повышенную влажность, тянул сыростью, и шхуна покрывалась белым пушком изморози. Дым из трубы, смешанный с паром, оседал на полюте, такелаже грот-мачты грязными сосульками, которые при волнении бились друг о друга мелодичным звоном. Боцман периодически гонял матросов счищать лишние наросты.

Несмотря на упрямый «норд», нахлестывающий встречной волной в левую скулу, «Скуратов» уверенно держал девять узлов.

Волнение было небольшим – 4–5 баллов, но иногда нос судна слегка вздрагивал, сорокаметровая шхуна плавно перекатывалась на длинной волне. И если прислушиваться к работе машины, казалось, что в такие моменты она меняла тональность – перестук слегка учащался, затем растягивался, и опять...

– Будь мы на ровной воде, я бы не удивился, если наш старичок выдал бы свои паспортные, как на мерной мили верфи «Братьев Самуда», – прячась от пронизывающего ветра, мичман тем не менее излучал удовольствие. – Что скажете, Константин Иванович?⁷

⁷ Парусно-винтовая шхуна «Бакан» была построена на английской верфи

– А с чего вдруг такая ходкость?

– Уголек-с! Старший механик говорит, хороший нам уголек-с загрузили давеча в порту.

По прошествии вторых суток ход пришлось сбавить – подывающий норд гнал отколовшиеся от ледяного массива сначала мелкие айсберги, затем стали попадаться более крупные экземпляры. Их удачно обходили стороной, но получив пару раз от этих ледяных обломков основательный «бумс» в железные обводы корпуса, Престин приказал перейти на «средний».

Ходовая рубка не особо возвышалась над шкафутом, поэтому при опасном маневрировании необходимо было выходить на открытый мостик... основательно утеплившись, естественно.

Долго вахтенных сигнальщиков на холоде не держали, регулярно загоняя в теплое», отогреться и попить горячего чая.

Мичман, постоянно отслеживающий горизонт, вскоре доложил, что уже видит в бинокль ледовое поле, однако оказалось, что это здоровенный кусок, дрейфующий отдельно. Его обогнули и только тогда по курсу разглядели сизо-белое разрозненное скопление, раскинувшееся по горизонту, теряющееся вдаль.

– А ведь пока мы ходили туда-сюда, льды неслабо спустились к югу, – Престин лично поколдовал со счислением, бормоча: – Ну-с! На какой мы широте? $76^{\circ}15'$ примерно. Солнце еще низенько. После обеда установлю точней.

Спустя пару часов переложили рули вправо, следуя вдоль ледяного массива. Углубляться северней командир посчитал нецелесообразным – край поля дробился, приходилось лавировать между льдинами, стараясь огибать опасные участки с крупным крошевом, дабы не повредить винты. Ход держали 3–4 узла.

Сигнальная вахта теперь наблюдала и по ходу движения и по левому борту, выискивая загадочный корабль.

При взгляде на ледяной хаос, простирающийся безграничной белой пустыней, затея отыскать тут кого-то теперь казалась абсурдной и даже глупой, порождая в голове ворчливое недовольство.

Какое же было удивление, когда один из сигнальщиков заорал:

– Вижу!

* * *

– Красная у него только надстройка, – не скрывая волнения, комментировал старший помощник, – такая... коробчатая и широкая, как под каюты. Похоже на большой пасса-

жирский океанский пароход. Но... ледокол.

– Обводы корпуса черные, – добавил Престин в свою очередь, не отрываясь от бинокля.

– Повернем к нему навстречу?

– По-моему, он сам идет на нас. И весьма быстро. Можно вообще лечь в дрейф, поджидая.

Расстояние сокращалось. Ледокол повернул точно на «Скуратова» и стал наблюдаться только с носовой проекции.

Было в этом что-то такое... вынуждающее подпитывать увиденное доводами разума, при оценке примерной толщины льда, размера судна, его скорости и всех странностей, включая отсутствие признаков работы паровых машин – дыма.

Казалось, что он просто скользит по поверхности, не имея осадки, водоизмещения, если бы...

Если бы в его носу словно бурун не вздыбливался лед, ломаясь, выплевывая брызги и...

Престин не мог понять, что это: «Как будто парит или снежная пыль... кипит она под ним, что ли? И что там такое краснеет»?

– Господи! – дрогнул голосом мичман. – Это вижу только я?

Теперь и Престин рассмотрел на черном фоне носового обвода корабля красную пасть, окаймленную белыми зубами. Зловещую.

«А вдруг это действительно “японец”? А вдруг?» – побужало холодком по спине.

Пальцы, сжимающие бинокль, заостенели на морозе, несмотря на далеко не пижонские перчатки. Константин Иванович поднял взор чуть выше, где чернели, и уже явно видно – не трубы, а толстые странной конфигурации мачты.

– Вы бы спустились вниз, отогрелись, Константин Иванович, – побеспокоился помощник, – я за ним присмотрю. Никуда он от нас не денется.

– Это такая махина. Как бы нам самим деваться не пришлось, – тревожно проворчал в ответ Престин. Тем не менее последовал совету – холод уже пробирал до костей.

* * *

Выйдя из сплошных льдов, «красный ледокол» против ожидания не попер напрямую через отколовшиеся участки, а избирательно огибал по открытой воде, подставляя свой полный профиль под жадные взгляды-окуляры с мостика «Скуратова».

Все больше деталей любопытного судна удавалось рассмотреть в бинокль.

Первое, что бросилось в глаза – по черному борту, хоть и тронутому белой наморозью, вполне читаемые белые буквы: «РОСАТОМФЛОТ».

Сразу возникли вопросы: «На аглицком, расейском? А где же “ерь”? Что за нескладица?»

Потом распознали принадлежность судна. За высоким гротом торчал короткий огрызок решетчатой мачты, вот на нем и трепыхался...

«Будем считать его флагом. – К своему стыду, Константин Иванович испытал облегчение, опознав его как флаг Североамериканских Штатов – все-таки «японцев» он со счетов не сбрасывал. – И бог ты мой! Недооценили размеры корабля. Он же огромен!»

– Да в нем тонн поболее, чем в броненосце будет, – вторил его мыслям мичман, – это его надстройка... она издаലെка вносит путаницу в представление о пропорциях. Но чем ближе, тем все болеше поразительней!

Дальше офицеры перебрасывались короткими репликами, озвучивая свои соображения по конструктивным особенностям незнакомца – узнавая, предполагая и полностью не понимая предназначения некоторых.

– Орудий не вижу. Это не промысловое судно, не китобой, но смотрите, какие у него мощные стрелы кранов! Мачты металлические с марсовыми площадками... и такие вычурные антенны беспроводного телеграфа. Какой-то белый купол, прожекторы... – частил старпом, совершенно не обращая внимания, слышит ли его капитан или нет. – А вон непонятная штука оранжевая с синим на юте. Балка торчит, сверху – как усы или растяжки такие?.. Для каких целей?

Неужели американцы отстроили это все для исследований полюса? С таким заделом они побьют все рекорды.

Престин молчал. Неожиданно он понял, что этот «красный гигант» словно не от мира сего. Почему? А вот ощущение! Но и не только. Детали, узлы, исполнение, функциональная завершенность...

А еще было в нем нечто такое... что стоит только прикрыть, даже представить, что прикрываешь глаза, и... призрак!

«Этот корабль как призрак! Не бывает таких, не может быть! Кто сейчас такое в силах построить? Чья школа?»

Он видел «Ермак» английской верфи по российским чертежам, считая, что это передовая, лучшая техника ледовой проходки.

«А этот многотонник, судя по носовому обводу (да и кормовой оконечности), строился именно как ледопроходный корабль. Серьезный корабль. Есть толстосумы, вкладывающие в исследования Арктики. В том числе и американские миллионеры. Есть у янки свои ледокольные паромы для Великих озер, но во сколько обойдется вот этот фантастический монстр? Это просто какой-то „жюль верн наutilus“ в надводном исполнении»!

Престин слегка отвлекся на своего старшего помощника, который продолжал восторженно комментировать, предполагать и даже придирается к каким-то техническим деталям,

подмеченным на палубе и надстройках чужака.

«Неужели он не видит, не понимает, что от этого судна исходит нечто пугающее, чего не бывает или не может быть. И пугает он не пастью нарисованной и не огромностью своей... Кажется, что эта махина несет в себе то, чего так всегда боялся и к чему всегда так тянулся человек – необъяснимое, непонятное, новое, неведомое... С ума сойти. Еще не хватало перекреститься с придыханием: „Нечистая“! Что это на меня нашло?»

Будучи человеком дотошным, любившим разложить все по полочкам, Константин Иванович Престин и не подозревал, что столкнулся с психологическим противоречием, название которому придумают через столетия – футушок. Несоответствием его представлений о технических вершинах современного кораблестроения с тем, что он сейчас видит.

А два судна неумолимо сближались. Бинокль позволял уже видеть даже, как говорится, заклепки, которых, кстати, на чужаке не наблюдалось. Совсем.

– Куча всяких антенн, штырьков по верху всей надстройки, – шевелил губами Престин. – «Ямал» кириллицей (странно) и вот там по-иностранному. На возвышении юта – это однозначно машина, судя по окошкам. Или иллюминаторам. Подводный аппарат? Не похоже. Слишком тонкие

детали, и стоит сей агрегатус на колесиках.⁸

Ледокол обогнул очередной айсберг и снова правил на «Скуратова» своим оскалившимся в носу «эх, проглочу». Тем не менее на встречных курсах, согласно морским правилам, принимал вправо.

В широких иллюминаторах ходового мостика теперь четко были заметны непокрытые головы экипажа.

– Хорошо им там, наверное, тепло!

Престин невольно зябко поежился на это замечание мичмана и тут же вздрогнул, услышав крик сигнальщика.

– Он выбросил флажный сигнал «имею важное сообщение»!

⁸ Aggregatus (лат.) – соединенный, собранный. Агрегат.

Несколько дней назад или на сто лет вперед

*Рисовал каприз руки —
«Люди или призраки?»*

Научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов», которое практически было закреплено таскать грузы на архипелаг Франца-Иосифа для военных, по явно какой-то великой необходимости, а может, и просто с бодуна кинули в рейс раньше мая, когда в Ледовитом океане еще лежат тяжелые льды.

Дизель-электроход «Сомов» был всего лишь судном ледового класса, ему для этого дела требовался поводырь — полноценный ледокол. Вот и припахали «Ямал».⁹

А поскольку аренда «Сомова» в сутки — три миллиона рубликов, а у полновесного атомного ледокола и того больше, вояки решили суда порожняком не гонять и настояли на основательной загрузке и атомохода.

На тот момент никаких заказов (даже туристических) для «Ямала» не было, и Росатомфлот особо не артачился, отклонив уж совсем крупногабариты... и то на усмотрение капитана судна. Хотя погрузка, конечно, затянулась.

На борт приняли бочки с ГСМ, строительные наименова-

⁹ «Михаил Сомов» способен преодолеть ледяной покров толщиной не более 70 см.

ния, контейнеры с военной маркировкой (тут ведали только вояки и суперкарго), два вездехода «Макар», взвод личного состава морпехов под командованием старшего лейтенанта. От военного ведомства была еще пара в гражданском, которые носились с тремя среднего габарита ящиками, требуя аккуратности при кантовании и размещении на борту. Командир морпехов предупредил старпома о наличии некоторого вооружения в одном из контейнеров – решили не привлекать к этому особого внимания, заставив нужный контейнер другими с невозможностью быстрого доступа.

Пока загрузились и буксиры стали править отход ледокола от причала, «Сомов» уже сутки как был в море. Правда, дальше широты северной оконечности Новой Земли, где лед толщиной до метра, дизель-электрохода уже не прошел бы.

А «Ямал» нагонял упущенное время, давя 19,5 узла.

Где-то между 73-й и 74-й параллелями (согласно автоматическому мониторингу) все и случилось....

* * *

«И вот же чертовщина какая, мы только на третьи сутки примерно сообразили, после того как облазили Землю Александры и ближайшие острова – куда, а верней “в когда” нас занесло!» – Капитан ледокола «Ямал» Чертов Андрей Анатольевич, покряхтывая, массировал все еще колющий болю

локоть, снова вспоминая, как все было с того момента, как экипаж вернулся к дееспособности.

Сам он очнулся у себя в каюте на полу, непрезентабельно распластавшись плашмя. По этому «плашмя» и получал от пола серией неравномерных вибраций, пинков и ударов.

Все знакомо и почти привычно – ледокол шустро пер с постоянной скоростью, перемалывая льды.

«Примерно от метра до полутора, – на глазок, но вполне профессионально и однозначно верно оценил Чертов, – а при особо чувствительном толчке можно смело говорить обо всех двух с половиной – торос разрубили. Опыт не пропьешь! Но что за хрень? Чего это я разлегся?»

Вот тут, наконец, пришло понимание: «Что-то произошло!» – выплеснув и раскидав адреналин по клеточкам.

Вскочил, даже сразу не ощутив боли в ушибленном локте. Побежал по трапу наверх на мостик, услышав, как за спиной зазвонил внутрисудовой телефон. Однако возвращаться не стал – тут рядом.

Первый, кто ему попался – начальник радиотехнической службы:

– А я к вам, звоним – не отвечаете...

Пока суть да дело – осматривались во всех помещениях, отсеках и каютах, показалось скупое полярное солнце, штурман быстро его поймал своими штурманскими прибаббасами и озадаченно выдал координаты. Вот тогда сразу пове-

рили независимым хронометрам, отсчитывающим не только часы и минуты. И стало понятно – почему вокруг сплошное белое снежное поле с исчезающей за кормой бороздой проломленного льда. Прикинув навскидку – сколько миль отмотали за 16 часов.

Понятно, что поднялись выше к северу, к 78-й параллели, но штурман сразу отметил кое-какие нестыковки со средней скоростью и расчетом времени между точками координат от места до места.

– И температура, несмотря на то что мы находимся ближе к полюсу, все равно не соответствует карте погоды – ниже на 9–12 градусов.

– Потом покумекаем, – отмахнулся Чертов, бросив вдовесок раздраженный взгляд на начальника радиотехнической службы, который снова порывался доложить о том, что не успел по пути на мостик. – Да погоди ты со своей связью!

От самой мысли, что судно столько времени шло неуправляемым, без контроля со стороны экипажа, у капитана волосы вставали дыбом.

Беглый взгляд на приборы, дублирующие устройства управления, индикаторы винтов и энергетической установки, шкалы радиационной безопасности... на вахтенных, которые уже считали показания и не выказывали каких-либо тревог, немного успокоил.

Но все равно, представлял, что могло произойти с судном за время полного отсутствия контроля, и становилось не по

себе.

«Черт! А могли ведь запросто влететь в айсберг, в другой корабль, на рифы. Потерять лопасти, в конце концов...»

Не удовлетворившись видом с рубки, Чертóв накинул чего потеплей, поднялся на открытую площадку надстройки, огляделся вокруг по горизонту – почти белая равнина, с редкими шагреневыми торосами. Еще реже вмерзшие возвышающиеся айсберги. На востоке тусклое, унылое рассветное солнце в стылой дымке – первые утренние потуги пробиться и заискрить на кристалликах замерзшей воды.

– Эк морозцем резануло, – выдохнул паром, – ничего – привычны.

Быстро протрусил к правому крылу, облокотившись на леера, глянул вниз.

Ледокол мощно из-под штевня от борта проминал, выдавливал крупные колотые куски, лопающиеся с каким-то жутковатым харкающим звуком, встающие на ребро, краем уходя в воду.

В месте излома (в разрезе) льдины практически однородно зеленовато-изумрудного цвета с верхней снежной шапкой.

«Остаточный однолетний, – резюмировал со знанием опытного полярника, – холодно-то чего так, не пойму?»¹⁰

И поспешил вниз.

¹⁰ Остаточно однолетний лед – не растаявший за лето в новом цикле замерзания.

– Судя по тому, как навалено и разбросано все то, что не было закреплено, в лед мы вошли на полном ходу. Об этом говорит и просмотр записей с видеокамер системы физической защиты, – старпом уже принял большинство докладов от руководителей служб судна о состоянии на борту, – система предупреждения столкновения стояла...

В общем, только на «предупреждении».

Предположу, что по краю ледяного поля был окрепший нилас. Да и по кромке – однолетний лед. Так что удар был, но небольшой. Ничего серьезного с мест не сорвало. Сдвинуло один контейнер с креплений на палубе, но они там плотно... сильно не разогнался.¹¹

– А люди?

– А все уже лежали! Более того, кто был на полу – даже меньше пострадал, чем те, кто в койках. Сыпануло что-то малость со столов, да незакрепленное с полок...

На удивление обошлось без фатальных травм – ушибы, синяки. Дохтур выборочно провел диагностику, взял анализы у потерпевших и не очень – говорит, что никаких необычностей и отклонений.

– Потерпевших?

– Самое авральное случилось на камбузе – маленький пожар. Но автоматика вырубил предохранители электроплит.

¹¹ *Нилас* – тонкая эластичная корка льда, достигающая толщины более 0,5 метра.

Автоматика же потушила и возникший пожар. Сейчас там разгребают бардак, да поварята немного траванулись дымом. Военные пассажиры – там тоже почти в норме. Их старлей говорит – он сам и сержант шлепнуться все же умудрились. А рядовые как раз «жим лежа» выполняли. Так бравой шеренгой и «прикорнули» в коридоре на третьем ярусе.

– Ну, надо же!.. – Сразу подумав: «Пассажиры – это всегда проблемы. Эти хоть военные – без лишних вопросов и паники».

– Так вот, – продолжил помощник, – а потом повезло – торосистость мелкая, редкая, вгрызались в лед считай что постепенно. Ход плавно ушел к минусам. Так и гребли, ломая, раскалывая поле. Пневмообмыв на автоматике стоял – пошел отлив от бортов. Да чего там... мы «пак» в штатном порядке и до трех метров сломим, а тут, судя по толщине – еще молодой, однолетний. Уже погоняли в разных режимах – вибрации на винтах нету, значит, лопастей не потеряли...¹²

– Н-да-а, при таком дифференте... – скорей задумчиво, чем удивленно констатировал капитан. – Теперь по связи?...¹³

– НАВТЕКС, ГЛОНАСС – полный ноль! – Наконец нач-связи получил возможность отчитаться. – Пропала связь со штабом Росатомфлота и с военными. Не отзывался «Со-

¹² Паковый лед – старый морской лед, просуществовавший не менее двух годовых циклов нарастания и таянья. Толщина такого льда не менее трех метров.

¹³ При прохождении во льдах для предохранения рулей и винтов от обломков льда ледоколу необходимо по возможности иметь дифферент на корму, что достигается заполнением балластных цистерн.

мов», который и на радарх не обнаружен. Молчит радиомаяк «Нагурский». Сервер вообще ни одного спутника не обрабатывает, так что и GPS отсутствует. Аппаратура протестирована – исправна. Из предпринятых мер – пока только подача аварийного сигнала на внутренних частотах. Не принимаем сигнала береговых телецентров.¹⁴

Последнее было сказано скорей уж так – от набитой привычки к бытовому комфорту и для полноты картины. И дополнил:

– Я сначала думал, что пожгло у нас приемо-передатчики...

– Погоди, эфир вообще пуст, что ли? – перебил удивленно капитан, выписав рукою круг на слове «эфир».

– Почти. Не ловим ни одного контрольного сигнала.

– «Почти»? А длинные волны?

– Вот именно на длинных волнах пробиваются какие-то обрывки морзянки, – как будто виновато пожал плечами начсвязи, – еле-еле, ни черта не разобрать.

– Ясенько, – в никуда сказал капитан. – Значится, так. Экипажу передать по трансляции – занять места согласно штатному расписанию. Ожидать.

Дождавшись, пока старпом зачитает сообщение, капитан, развернувшись на крутящемся кресле ко всем присутствующим на мостике, спросил:

¹⁴ НАВТЕКС – система автоматической передачи навигационных предупреждений.

– Какие будут предложения?

– Собираться не будем в конференц-зале? – решил уточнить штурман.

– А зачем? Все и так тут, – капитан уставился на старпома, – так и?..

– Я думаю, нам надо возвращаться и попытаться обнаружить «Сомова» или то, что от него осталось.

– Поясни.

– Если с «Сомовым» произошло то же, что и с нами, и он врезался в ледовое поле... Вероятно, он, как и мы, смог какое-то время пройти во льдах. Потом застрял, остановился...

– Но на связь он не выходит...

– Совершенно верно, – хмуро согласился помощник капитана, – его могло зажать льдами. Утонул. Экипаж, вероятно, высадился на лед.

– Но почему они не выходят на связь? – попытался оспорить начсвязи. – У них есть радиомаяки, которые в такой ситуации эвакуируют одними из первых.

– Откуда мы знаем, как там у них все произошло? – почти огрызнулся старом. – Может, они тоже в отключке были.

– Так, на полтона ниже, – приструнил капитан и обратился к штурману: – Уточни-ка еще раз наши координаты, курс...

Тот, скосив глаза на свою карту, помимо координат указал примерное расстояние до границы ледового поля на юге (откуда они пришли) и до архипелага Франца-Иосифа. Штур-

ман сразу понял, что капитан хочет продолжить движение к пункту назначения, видя в этом основную причину – расстояние. До Земли Александры было всего двести миль, против более чем вдвое больше обратно. И триста к вероятному местонахождению «Сомова».

– В общем, выбор у нас небольшой, – неожиданно подытожил Чертóв, – либо возвращаться, либо дойти до «Нагурского» и уже там прояснить обстановку. Я решил идти дальше. На поиск «Сомова» отправим вертолет. Естественно, пилотам следует взять все необходимое для спасательной операции. Если судно или спасшийся экипаж не обнаружат – по возвращении, прежде чем сесть на борт, пусть забегут по нашему курсу и разведают ледовую обстановку. Все же мне что-то не нравится эта подозрительно опустившаяся температура. Все, товарищи. Выполнять.

Вот так – по-капитански спокойно, почти обыденным тоном, как будто каждый день экипаж поголовно теряет сознание и судно остается без управления.

И ни тебе удивления, ни выразительного вздергивания брови у команды – тех, кто знал Чертóва давно (по быту и по работе)... и тех, кто из новеньких, успевших уже проникнуться флегматичным характером и манерой его поведения – донельзя неторопливой. Нередко за глаза именуя кэпа Чертом. Исходя от фамилии.

Вертолетное обслуживание Росатомфлота обеспечивал 2-й Архангельский объединенный авиаотряд.

В основном на ледоколах перешли на эксплуатацию судовых соосных Ка-32С, но в этот рейс на «Ямале» базировался увалень – «милевский» Ми-8Т в транспортной версии.

Экипаж слегка усеченный – пилот, он же командир Вова Шабанов. По складу ума – математик, да и по жизни не романтик. Бортинженер Славик Осечкин – почти творческая личность, со склонностью к браваде с легким налетом личной нереализованности.

Должен быть еще второй пилот (типа «из пополнения») – но, так сказать, немного не перенес местных реалий... или кухни... или еще чего. В общем, отстранился (или отстранили) от работы – остался на судне.

Пролетев вдоль скованной ниточки-трещины прохода «Ямала», пилот довел почти до края ледяного поля, еще издалека увидев хмурые воды Баренца, местами поигрывающие на солнце изумрудно-бутылочным цветом.

Связь с судном «вертушка» поддерживала постоянную, еще раз подтверждая, что с аппаратурой все в порядке. И никаких иных сигналов в эфире так и не зафиксировали.

Оранжево-синяя машина прошлась-покружила вдоль гра-

ницы между белым и густо-зеленым. Пару раз на снегу замечали в бинокль что-то темное – подлетали, зависали... Ошибочка.

На все про все (поиск, маневрирование) убили не меньше часа.

При очередной встряске, получив окулярами по надбровным дугам, Осечкин чертыхнулся:

– Да нет тут их. Айда обратно – два часа пыхтеть как минимум.

– Забыл? Нам еще по курсу «Ямала» разведку провести...

– Тем более! Из дополнительных почти уже всю выжгли.¹⁵

– Лады. Вызывай «Ямал».

– Да у меня с базой практически онлайн, – легкомысленно заявил бортмеханик и переключился на аппаратную ледокола: – Миша!

В ответ хрюкнуло, потом разборчиво:

– Слухаю.

– Мы возвращаемся.

– Никого?

– Вах, дарагой! Все видел: лед видел, морэ видел, белий медведь видел! Паракход – не видел!

– Погоди. С мостиком переговорю.

И минуты не прошло на разрешительную отмашку.

¹⁵ Средняя дальность полета Ми-8 – 500 км. С дополнительными баками – до 1300 км.

С виду неуклюжий «ми-восьмой» крутанул хвостом и целеустремленно направился на nord.

– Жиманем? – предложил Славик, сползая с кресла второго пилота, собираясь пройти в хвост по человеческим надобностям.

Шабанов молча добавил оборотов, наклоня машину под встречный поток.

Внизу белая слепящая равнина с пятнами-надгробиями вмерзших айсбергов. Оглянешься чуть назад по левому борту – по снегу ползет серая тень вертолета, не отставая, гибко стелясь по буграм торосов.

Большую часть пути, к удивлению Шабанова, летели молча – Осечкин еще тот любитель поболтать. А тут бортовая связь доносила лишь невразумительные мычания-напевы, бормотанья – коллега-вертолетчик сидел сзади, перемаывая видеозапись, которую вели параллельно помимо визуального наблюдения. Видеосъемка – мера вполне адекватная. При аварийно-поисковых работах человеческий взгляд бывает порой замылен и не заметит то, что зафиксирует камера.

Видимо, даже такой пассив надоел, и пилот, слыша в наушниках нетерпеливое побряхтывание, сам спросил:

– Чего там тебе неймется?

– Нравится мне полярка, – после небольшой паузы нейтрально начал Осечкин, – красота своя, неопиcуемая, платят

хорошо. И люди. Я ведь многих с «Сомова» знал.

– «Знал»?

– Мля... оговорочка по Фрейду. Еще и Черт наш – кэп. Словно как не хотел посылать нас, зная, что ни фи́га тут не найдем. И непонятно... радоваться, что никого не обнаружили, или наоборот. Примеряешь невольно на себя...

– Да ты офигел. С какого перепугу ты их хоронишь?! Слущись что – следы бы один хрен остались – у них «поплавок» до едрени фени, что-нибудь да лежало бы на поверхности. Так что брось, – командир фыркнул, переключаясь на конструктивное: – На видео – ни фи́га?

– Бельм белó. Я на ускóренке уж...

– Все одно на «Ямале» отмониторят.

И совершенно неожиданно в ответ:

– Е-те нате! Смотри какой!..

– Что, мать твою, случилось?

– Да ты посмотри. Мы ж на море почти не пялились и не заметили. Только погляди, какой раритет! Такелаж, труба метра три! И дымит, как тот паровоз! Реальный пароход!

* * *

На ледоколе восстанавливались. Слово «восстанавливались» можно было бы произнести все сплошь из больших букв, потому что народ откровенно пребывал в прострации. Произошедшая потеря сознания, неожиданная заблуда во

льдах, отсутствие связи, да что там – потухшее телевидение и тырнэт... это ж почти нонсенс! Люди не то чтобы все такие уж избалованные и расслабленные, просто уже привыкшие к благам цивилизации.

К определенному образу быта между вахтами.

Радиорубка – связь с внешним миром, побила все рекорды посещаемости. И начальник радиотехнической службы, в конце концов психанув, приказал запереться и не открывать «всяким шастающим». Тем более ничего существенного на приеме. И это отсутствие чего-либо (вообще!!!) уже несомненный факт выпадения из ординарности.

Ледокол – организация не военная, при имеющейся дисциплине, разговорчики побрели по отсекам-помещениям. Короткая речь старпома (а затем кэпа) по судовой трансляции уверенности и спокойствия не принесла. Но все призадумались и воедино согласились: подождем!

Слетавшая на дальняк «вертушка» особых новостей не добавила, лишь заинтриговав зафиксированным камерой реликтовым пароходом.

В результате курсовой разведки выяснилось, что ледяное поле обрывается через 25 миль. Вертолетчики, разглядев в бинокль широкую полосу воды, повернули обратно, не став залетать дальше, сославшись на ограниченность по топливу. В то же время, проведя визуальную разведку и ряд дистанционных замеров толщины льда, установили на пути ледо-

кола несколько параллельных гряд торосов большой протяженности.

Посадив машину, Шабанов, стянув с себя лишь комбинезон, отправился на мостик с докладом.

Ходовая рубка ледокола в самом верху широкой надстройки. От борта до борта – 30 метров, с прекрасным обзором прямоугольных иллюминаторов.

– Давай сюда, – с ходу начал капитан, подзывая к штурманскому столу в левом крыле, – показывай.

Размашисто протопав за кэпом, Шабанов с таким же размахом провел рукой по карте:

– А чего тут показывать? Дальше пойдет старый лед, местами до четырех метров – выше к норду километров на десять, не больше. Плюс торосистость, которую... блин, я не знаю – есть ли смысл обходить. И только ближе к краю поля появляются разводья и полыньи – там наблюдаются подвижки льда.

Чертóв зыркнул, всем видом давая понять, что он сам будет решать – обходить или идти напрямую.

Но недолго предавался сомнениям, оценив и взвесив, выбрал прямой путь.

– Объяви по судовой трансляции экипажу и предупреди вахтенного механика о переводе СЭУ на маневренный режим, – приказал он старпому. ¹⁶

¹⁶ СЭУ – судовая энергетическая установка.

Еще полчаса шли пятиузловым ходом, вполне сносно куроча белый панцирь. Затем стали попадаться первые торосы, горбатящиеся большими гребнями и застывшими под разным углом льдинами, так называемый ропак, порой внушительной толщины. Что не замедлило сказаться на скорости хода.¹⁷

Попеременно то капитан, то старпом поглядывали на показания лага, брались за бинокли, обозревая белую промерзлую пустыню. Матрос на руле косился на начальство, но иных приказов не поступало – впереди не наблюдалось даже намеков на удобные для прохода перемычки или трещины.

Пошла крупная торосистость, заметно возросла вибрация корпуса, началась своеобразная раскачка – нос приподнимался, заползая на льдину, та не выдерживала веса громаилы ледокола, проламывалась, уступая, и судно клевало носом, чтобы затем все повторялось вновь.

С треском и грохотом...

...и клекотом взбиваемой винтами воды...

...сквозь стылую среду, шумоизоляцию рубки...

...до уже привычных перепонок.

На «телеграф» (ручки управления движения судна, их три на каждый винт) становится старпом – впереди намечался сложный участок.

¹⁷ *Ропак* – отдельная льдина, стоящая вертикально или под углом, окруженная сравнительно ровным льдом.

– Средняя три узла! – поступил доклад.

Так прошли с милю. В очередной раз оседлав поверхность, «Ямал» мощно, но неожиданно беспомощно замолотил винтами, застыв на месте.

– Хрена себе, – раздается за спиной капитана незнакомый голос.

– Полный назад! – командует Чертов и только потом обобщивается: – О! Пассажиры пожаловали! У вас какие-то вопросы, товарищ старший лейтенант?

А машины между тем крутили реверс, и махина ледокола стащила с неподатливого поля.

Командир морских пехотинцев молчал, уставившись на отступающий от пролома нос судна, что пропятилось метров на сто назад.

Звучит новая команда:

– Полный вперед!

Визгнула на коротком сигнале предупреждающая сирена. Все за что-нибудь ухватились, зная, что сейчас будет толчок.

«Ямал» вгрызается в сделанный во льдах пролом, с грохотом, с вибрацией и с тряской отвоевывает участок пути еще на полкорпуса.

Звякнул стакан в подстаканнике, подпрыгнула трубка на рычаге телефона, покатылся, упал карандаш со штурманского стола...

– Полный назад!

– Да тут не четыре метра, – ворчит старпом, – что-то летуны недобдели.

– У них на борту стоит аппаратура СВЧ-зондирования. А она, как известно, дает немалую погрешность. Оказалось, что в неудобную для нас сторону – видимо, паковый участок, – нисколько не напрягаясь от сложности прохода судна, замечает Чертóв. И снова командует: – Полный вперед!

Протяжный скрип, удар, в очередной раз нос судна лезет выше.

Стоящий позади офицер, снова не сдерживаясь, что-то удивленно бормочет.

– Что, молодой человек, первый раз видите ледокол в тяжелых льдах?

– Впечатлен! Гефестово воплощение!¹⁸

Такое неожиданное экспрессивное сравнение вызвало удивление. Морпех не просто крепкий парень лет тридцати – выпирающая грудь, тугие мышцы шеи и рук при среднем росте немного квадратили его фигуру, что не производило впечатления интеллектуала.

– Вон он, кто сейчас главный наш «гефест», – чуть погодя указал Чертóв на старшего помощника, снова отыгравшего аверс-реверс, – тут важно при переводе с хода вперед, назад и далее, не остановить винт, чтобы он постоянной струей отгонял обломки льдин.

– А не то?..

¹⁸ Гефест – греческий бог кузнечного ремесла.

– А не то? – переспросил капитан, слегка покривившись на манеру речи старлея. – А не то застрянет льдина в винтах – можно лопасть потерять. Я видел, вы во время погрузки разглядывали наши запасные на верхней палубе?..

– Вот те громадины, – удивился офицер, – и обломать?

– Они самые, – подтверждая жестом, – и обломать вполне... ха, как дураку стеклянный, простите, член – на раз!

Новый разгон сделали со 150 метров. Ледокол влез на льды чуть ли не всем корпусом, оставив в воде кормовую часть с бешеным бурлением винтов. И замер. Ни туда, ни сюда.

В этот раз уже кэп сказал:

– Ну да ни хрена ж себе заползли!

И стоял, чуть наклонив голову набок, как будто прислушиваясь, слегка сgrimасничал морпеху, дескать, «видишь, как бывает». И уже собирался дать команду заполнить носовые дифференциальные цистерны, как с похожим на выстрел звуком лопнула здоровенная льдина и изломанной змеей побежала вперед черная дорожка трещины, ветвясь поперечинами. Зубовным скрежетом «Ямал» осел корпусом, ширя для себя вместилище, на мгновение создав эффект ухода палубы из-под ног.¹⁹

¹⁹ Заполняя носовые балластные цистерны водой, ледокол увеличивает свой вес, продавливая ледяной покров.

– Отлично, – осклабился капитан, с довольством и превосходством глядя то на покоренную природу, то на старлея, как бы говоря: «Видал, как можем!»

– Полный вперед!

Морпех приник к иллюминатору, глядя, как расплзается трещина, и судно уже с меньшим усилием, да какое там, почти непринужденно после таких-то «туда-сюда», устремилось вперед.

– Хребет мы ему сломали, – компетентно заявил старпом, передавая ручки управления вахтенному, – теперь пойдем легче.

– Так что вы хотели, молодой человек? – в свою очередь спросил капитан у офицера морской пехоты.

Видимо, после всего увиденного старлею все его вопросы показались мелкими и незначительными, однако не был бы он военным... Дрессировка как-никак!

– Товарищ капитан... – военный потупился, не находя, как правильно обратиться к капитану судна, – э-э-э... можно вас по...

– А вас?

– Старший лейтенант Волков.

– Андрей Анатольевич Чертов.

– Да... так точно. Андрей Анатольевич, во-первых, хочу высказать беспокойство. В моем подчинении тридцать шесть человек...

– В моем семьдесят шесть... – не перебивая, вставил ка-

питан.

– ...я, как вы поняли, в Арктике новичок. Скажите, у вас тут это часто происходит?

– В Арктике? – Чертов задумался, вспоминая все случаи. – Техника иногда подводит. Не без того. Бывает – люди. Вы спрашиваете об отсутствии связи? Иногда случается. Но чтобы так – впервые.

– А то, что все вырубились? Есть какие-то объяснения? Не знаю... магнитная аномалия, северное сияние, радиация, война, ЭМИ?

– Радиационный фон в норме, – вступил старпом, – при электромагнитном импульсе пожгло бы электронику, а у нас все цело. Видеомониторинг физической защиты зафиксировал то, о чем вспоминают многие перед потерей сознания – белое свечение. Возможно, это и было какое-то атмосферное явление. Или сопровождалось таковым. На моей памяти ничего подобного не случилось.

– А не могло это быть атакой, террористическим актом?

– Начальник службы безопасности сейчас работает над всеми версиями. Пробы воздуха ничего не выявили. Проводится анализ воды и некоторой пищи.

– Моему взводу придан груз на борту – оружие, и вы могли бы включить моих людей в обеспечение охраны, – по решительному виду офицера было видно, что он перешел к главному.

– У вас, наверное, что-то посерьезней, нежели в нашей

оружейной комнате? Если не секрет...

– В контейнере, помимо персональных средств моих бойцов, наличествует груз военного назначения для пограничной службы ФСБ.

Капитан терпеливо ждал, не подгоняя вопросом о подробностях. Второй помощник, выполнявший роль суперкарго, говорил ему после погрузки в порту Мурманска, что вояки не предоставили список перевозимого оружия и остального взрывоопасного, отделавшись размытым «груз военного назначения».

Впрочем, старший лейтенант, наверное, не видел в том особой военной тайны, навскидку перечислив то, о чем знал сам:

– Помимо экипировки и оружия моих людей, со складов для нужд погранцов перевозятся боеприпасы к стрелковому оружию, включая пулеметные. Сами пулеметы Калашникова и два крупнокалиберных «Корда». Гранатометы и выстрелы к ним. Два ящика с пехотными огнеметами «Шмель». Ручные гранаты, судя по маркировке. Сам список я осмотрел бегло – было еще с десятков пунктов. Что-то там про сигнальные ракеты, фальшфейеры, радиостанции с ремкомплектами и всякой приемо-передающей лабудой, сухие аккумуляторы... честно говоря, не запомнил. Но скорей всего, это изобилие размещено по другим номерам.

Старпом присвистнул:

– Серьезненько. Как они нам еще «Армату» в разобранный

ном виде не запихнули. А что вы там говорили об экипировке своих морпехов?

– ВКПО в арктическом исполнении, бронежилет, оружие. В целом стандартный набор.

– А «вэкэпэо» – это?..

– Всесезонный комплект полевого обмундирования.

Чертóв немного подумал, смотря в иллюминатор, как в сторону. Потом принял решение:

– Знаете, ваше предложение о помощи... спасибо, конечно, но преждевременно. Пока никаких опасностей не наблюдается.

– Я понимаю, – принужденно кивнул старлей, соглашаясь, – просто ситуация меня волнует. Произошло чрезвычайное происшествие. Я привык и хотел бы быть в курсе всех изменений. Или войти в ваш штаб. Это возможно? У вас есть штаб?

– Нет, штаба нет, – Чертóв и не думал улыбаться. – Есть я – капитан и мои помощники. Пока я не вижу сложностей с доставкой вас и груза для военных в пункт назначения. Если же обстановка изменится в плохую сторону, поверьте, возможностью усилить безопасность судна мы непременно воспользуемся. То бишь вашим предложением. Если вы привыкли держать руку, так сказать, на пульсе, можете присутствовать в рубке. Не мешаете.

Офицер снова кивнул, принимая отказ капитана, однако было видно, что он расстроился. Не стал он и задерживаться,

отправившись на выход.

– Кстати, а те два гражданских, они у нас на третьем ярусе в каютах 14–16, – напомнил старпом и спросил у лейтенанта: – Вы не знаете, что они перевозят? Они тоже относятся к военным?

Старший лейтенант, уже в дверях молча сумрачно мотнул головой и вышел.

С выражением «вот так!» Чертов посмотрел на помощника и уже вслух прокомментировал:

– По-моему, мы обидели молодого человека своим отказом. Да? Только мне на судне не улыбается вооруженная толпа, пусть даже это и наши brave морпехи. И еще. Надо поручить начальнику службы безопасности обязательно проверить и расспросить этих товарищей из «четырнадцатой» и «шестнадцатой». Вдруг у них в ящиках тоже что-нибудь смертельно-разящее?

Вызывать начальника службы безопасности по судовой трансляции (а он мог быть где угодно из восьми палуб-ярусов судна) – лишний раз волновать экипаж. Подумают еще – опять что-то случилось. Поэтому старпом сел за телефоны, намереваясь отыскать его простым обзвоном.

Чертов же подошел к иллюминатору, скрестив на груди руки и глядя в наплывающую белую целину, погрузился в размышления.

Вопросы лейтенанта о причинах и следствиях произошед-

шего, о прочности техники и людей снова заставили вспомнить (с не меньшим содроганием), что судно несколько часов шло во льдах совершенно неуправляемое.

Холодный мир Арктики настолько отличался от природы других широт, что впору было бы сравнить ее (Арктику) с другой планетой. Не очень дружелюбной к человеку.

«А мы как затерянный в ледяном космосе звездолет, глотающий парсеки».

И почему-то вспомнился Лем и рассуждения его героя в одном из произведений. Наверное, не дословно, но почти: «Человек – это такая крохотная капелька. Достаточно ничтожной дряни, перегоревшего проводничка, какой-нибудь расфокусировки тяги или размагничивания полей – начинается вибрация, мгновенно свертывается кровь, и готово. И если бы в этих условиях еще и люди подводили...»²⁰

Взгляд в иллюминаторы – трещина по носу то ширится, то сужается, извилистым изломом. Ледокол идет почти посередине раскола, иногда подламывая острые углы без всяких сотрясений и тряски.

«А вот наш “Ямал” не подкачал, техника и механизмы вытащили, тогда как человеческая плоть подвела, дала слабину!»

Капитан провел рукой по внутренней обивке мостика, с уважением ощущая вибрирующую мощь.

²⁰ Станислав Лем. «Возращение со звезд».

Спустя – неторопливой стрелкой на часах

За иллюминатором легчали льды, и атомоход бесцеремонно хрумкал их, расталкивая, раздвигая, следуя на норд. На чистый норд, и по компасу и по виду открывшейся вдалеке темной полосы – чистой воды Баренца.

Ледяное поле кончалось.

Кончался и никак не кончался долгий полярный день. Прежде чем солнце тягуче окунулось в оккупировавшую горизонт дымку, подняли «вертушку», с которой разглядели, что после примерно 50 миль чистой воды наступает опять белое безбрежье.

– Припай до самого архипелага, не иначе, – сделал заключение капитан, велев летчикам возвращаться, – можно было бы прогнать машину до самой Земли Александры, но... когда там полная тишина и даже молчит радиомаяк, и туман такой плотный стелет...²¹

– Верно, верно, затянуло-то как, а? Вот тебе и полярный день! – поддакнул старпом, глянув на сгустившуюся до пронзительной синевы хмарь. – Тихо дочапаем до припая, подгадав к утренней вахте, а уж потом определимся.

На выходящем из дрейфующих льдов «Ямале» вспыхну-

²¹ *Припай* – неподвижный лед, прикрепленный к берегу.

ли прожектора, украсив некогда белое поле фантастическими пятнами, фиолетовыми отливами, очертив причудливыми линиями изломы трещин.

* * *

Несмотря на видимое спокойствие, почему-то именно в ночную вахту Чертóв ожидал очередного выверта-подвоха от...

«А пес его знает, от чего или кого?! Сидит где-то в нас, в человеках, заложенный еще с первобытных времен страх перед тьмою, когда голожопый, едва прикрытый шкурой предок с ужасом прислушивался к реву зверей в ночном лесу. Вот и рефлексую. Не дай боже опять грянет что-то типа уже случившегося – попадаем в отключку!»

При переходе в плотном тумане иногда радар, а потом и прожекторá выхватывали мелкие, а порой и весьма крупные айсберги, которые словно призраки выплывали из серости, сверкая под лучами 50-киловаттных ламп, и так же величественно исчезали в ночи.

Невзирая на расчет и выверенный ход чуть выше среднего, все равно в припай вошли до утренней вахты. Без всяких неожиданностей, «схарчив» штевнем первые проплешины склянки, затем вмерзшее крошево и дальше, откалывая

куски все толще и толще. И туман поредел, студясь на лед.²²

«Собаку» достаивал старший помощник. Оценив толщину льда, он не стал будить раньше времени капитана, а счел целесообразным отправить в разведку вертолет, пока ледокол будет огибать западную часть острова Александры.

Но машину готовили чуть погодя, проходя траверз мыса Мэри-Хармсуорт (крайняя западная точка архипелага). Пилоты долго прогревали двигатели и наконец взлетели, ута-рахтев вперед на крейсерской.

Не прошло и пятнадцати минут, как летуны огорошили:

– Нету! Ничего нету!

– Как? Чего? Совсем ничего? Сбрендили? – посыпал вопросами старший помощник.

– Погоди, Ваня, – в рубке появился заспанный капитан. Взял трубку переговорного устройства с «вертушкой»: – Это капитан. Докладывай.

Выслушав, спросил:

– Может, что-то напутали и это не Земля Александры? Все же под снегом... – слушая пилотов, кэп поддакивал: – Понятно! Очертания... ледяной купол... заливы... кого видели? Мишку? А-а-а-а, белого! Ясно! Возвращайтесь.²³

– Что? – напряженно ждал старпом.

²² *Склянка* – тонкий прозрачный лед.

²³ На архипелаге Франца-Иосифа, и в частности на Земле Александры, имеются ледяные образования куполообразной формы, обладающие сравнительно крутыми склонами благодаря малым горизонтальным размерам.

– Сходим – обследуем. Распорядись – пусть боцман... или сам – подготовить экипировку, выдать оружие. Отправимся на вертолете. Сам хочу посмотреть.

Чертóв резко повернулся к вахтенному:

– Толщина льда, температура?

Получив ответ, распорядился:

– Стоп машины. Готовьте «ледовые якоря».

Машины все же не остановили. Просто мерный гул механизмов сменил тональность, утонув в утробе атомохода. Гребные электродвигатели продолжали лениво крутить винты, те гоняли воду с мерзлым крошечком, не давая схватиться корке льда – соблюдалось необходимое равновесие, и судно стояло, упершись носом в вырубленный карман в припае.

Спустили трап, на лед соскочили боцман с матросами – осмотрелись, расставили флажки вблизи опасных трещин. Затем, накрутив коловоротом лунки, вбили на четыре точки деревянные брусья, закрепили на них швартовы – два носовых, два с полуюта.

Вернулась «вертушка», села, медленно вращая лопастями – пилоты ждали, пока наберется и экипируется экспедиционная группа.

Техники даром времени не теряли и, подтянув запорочные шланги, накачивали «Миля» горючкой – в Арктике нельзя полагаться на «авось», и топлива всегда должно быть с запасом.

Пошла погрузка. В последний момент прискакал лейтенант-морпех – попросился тоже.

Капитан дал согласие. С военным снаряжением из контейнера возиться не стали (хлопотно) – надеть что нашли: чьи-то запасные унты, пуховик на лебяжьем пуху, из оружия доверили «Сайгу».

– Ты ж смотри, лейтенант, это только с виду «калаш».

– Знаю, знаю, – выгнал на ветер пар изо рта офицер – казалось, что он самый взволнованный среди всей группы.

Все уже расселись, ждали только капитана.

– Так, Ваня! – отдавал тот последние наставления старпому, перекрикивая свист вертолета. – Не знаю, сколько мы там проваландаемся, температура воздуха мне не нравится – колеблется, и ветер с норда, – так что – бди!

* * *

С высоты переход от припая на берег едва заметен, если бы не темнеющая оголенность скал на мысе Мэри-Хармсфорт, от которого до местоположения «Нагурский» пятьдесят пять километров.

Дальше шли над куполом Лунным – ледовым куполом, покрывавшим большую часть острова Александры. «Ми-восьмой», как уже упоминалось, был в транспортной версии – сиденьями для пассажиров хоть оборудован, но шумоизоляции считай что никакой!

Чертóв обустроился на месте второго пилота – разглядывал открывшийся внизу вид, нацепив на голову наушники и слушая пояснения Шабанова.

– Я поначалу тоже подумал, что попутал, но видите – вот там левее на северо-западе уже виднеется полынья, примыкающая к мысу Нимрод. Вот по этому аппендиксу Нимрода (знакомое очертание) я как-то сразу и понял – прилетел туда, куда надо.

А дальше непонятка пошла! Еще месяц назад вокруг бухты Северной железа всякого до хранища навалено было, не переработанного и не вывезенного. А тут девственная чистота!²⁴

Вертолет промахал еще десять километров и завис над тем местом, где должна была быть база пограничной службы «Нагурский».

Теперь знакомые очертания острова оказались совсем какими-то незнакомыми.

– Ну и... кульминация! – произнес Шабанов, словно ставя себе в заслугу, что сумел пробить невозмутимость кэпа.

То, что понастроили за последний год, скрыть снегом было совершенно невозможно. Не было пестрых маяков, ни куполов ангаров, ни антенн, которые наверняка бы торчали, несмотря на все метели и ураганы. Внизу было совершенно чистое белое поле снега!

²⁴ Ржавеющий металлолом, оставшийся еще со времен СССР: в основном бочки из-под ГСМ.

- Это точно остров Александры?
- Несомненно. Оно. Но не оно! Садимся?
- Валяй!

Винты еще гоняли колючую снежную пыль, а самые прыткие уже соскочили на ноздреватую наморозь, покрывавшую место посадки. Кто с ружьями, у кого-то такая же, как и у старшего лейтенанта, «Сайга».

«Все правильно, – подумал Чертов, – белый медведь – зверь мало того что любопытный, человека ни в грош не боится. Даже с рычащей и смердящей техникой. А тут вообще считай что полновластный хозяин в теперешней совершенно непонятной пустоши. Хотя, насколько удалось разглядеть с высоты, прибрежная полынья простирается дальше на всю северную часть острова. А открытые участки воды – это самые охотничьи угодья, наличие и доступность корма для всех обитающих тут тварей. Там-то должна быть и основная “столовка” для медведя. Так что тут ему делать нечего».

Народ разбрелся (осторожничая – парами), ковыряя снег в надежде отыскать хоть какие-то улики и свидетельства под белым покрывалом – тщетно.

Во время полярного лета здесь из-под снега проступает земля и появляется скудная арктическая растительность. Сейчас же от края до края сплошная снежная целина – плавные изгибы, бугристость, провалы. Безжизненно и уныло в свете тусклого, пробивающегося из-за серого марева солнца.

Ветер с норда, с открытой воды, тянул влажностью, зябко пробирая даже в теплых одеждах. И даже разлапившаяся винтами «вертушка» местами уже начала покрываться пушистым ежиком инея.

Люди стали стягиваться обратно. Офицер-морпех (в ярком пуховике, совсем как и не офицер), тот давно уже потерял интерес к окружающему – прохаживался рядом, наблюдая за периметром, держа оружие непринужденно, но настороже (сказывалась выучка). Иногда бросая короткие испытующие взгляды, проявляя завидное терпение, удерживаясь от вопросов.

Накинутый на голову капюшон приглушал все звуки, и боцман подошел совершенно незаметно.

– Ерунда какая-то! Сверху смотрел – совершенно очевидно, что это остров Александры. А тут... – он развел руками вокруг, похмыкал, прикрахтывая, подыскивая слова, и не нашел ничего подходящего, кроме как: – Необитаем!

Кэп стоял будто изваяние, потираясь наветренной щекой о мех капюшона, согреваясь, думая о своем, делая предварительные, совершенно невозможные выводы, завивающие мысли в совсем невероятные гипотезы.

– Капитан, – еще раз окликнул боцман, – Андрей Анатольевич...

– Да, конечно. Возвращаемся.

Колючий промозглый норд был самым лучшим погонщи-

ком обратно на борт – все быстро гуськом, пригнувшись, проскользнули в узкую сдвижную дверь.

Пустынная Земля Александры в иллюминаторах провалилась вниз.

По пути назад пилот решил пройти чуть восточнее – вдоль береговой черты над заливом Дежнева, проливом Кембридж, о чем и уведомил капитана. Решение Чертова было спонтанным, вытекающим из этого изменения маршрута:

– Сколько у нас горючки – до Белля хватит?

– Грэм-Белл? – слегка опешил пилот. – Так туда ж километров триста по прямой от «Нагурского»!

– Да нет! – снисходительно поправил кэп, несколько не удивившись, что Шабанов сразу подумает на остров Грэм-Белл, который был в логистике морских грузоперевозок. И повторил с нажимом: – Остров Белл, тот, что чуть западнее Нортбрука. Сравнительно недалеко.

– А-а-а! И до, и на обратно на ледокол – вполне, – пилот даже не взглянул на показания приборов, меняя курс.

А Чертов взялся за работу штурмана – без электронной навигации, имея сомнительные ориентиры, когда внизу практически сплошное белое поле за редким исключением отмелей у берегов да темнеющих скал, главное было не промахнуться. Тем не менее привязка существовала, следовало выбрать направление, произвести несложные расчеты и выйти в нужную точку.

Двадцать пять минут лету. Пересекли по диагонали южную часть острова Георга, замерзший пролив с голубыми пятнами полыней, и вот впереди показалась чернеющая оголенными базальтовыми склонами гора с плоским наверху плато – остров Белл. Неожиданно пробилось солнце, подкрасив пейзаж лазоревыми тонами.

Шабанов давно догадался, что именно хочет найти капитан на Белле, и, прекрасно ориентируясь, повел машину вниз.

– Вон он! – указал за остекление кабины Чертóв. – И не особо засыпан снегом, как я опасался. А то уж думал спрашивать, есть ли у вас на борту лопаты.

Переменчивое небо совсем очистилось голубизной, еще резче очертив возвышающееся плато с белой дымкой на вершине. А внизу, в ложбине среди серых валунов и снега, совершенно неестественно, словно что-то инородное для ледяной дикости, прямыми линиями проступал силуэт неприхотливого дощатого домика.

Вертолет посадили недалеко, на каменистом взгорке. К домику собрались идти все. Любопытно было даже летчикам, хотя бывали тут не раз.

Пока спускались с возвышенности, капитан рассказывал

старлею историю хижины:

– Построил ее шотландский путешественник Ли-Смит в 1880 году, так сказать, на всякий случай, в свое первое посещение архипелага. Назвал в честь своей шхуны – «Эй-ра-хауз». Оставил в этом зимовье продовольствие, уголь. Тогда, да и сейчас так многие поступают – не только для себя, а и на случайного бродягу-полярника, попавшего в бедственное положение. Но припасыгодились впоследствии им самим, когда Смит предпринял на следующий год очередную экспедицию. Их шхуну раздавило дрейфующими льдами у Нортбрука, и они потом сюда наведывались на шлюпках за харчем.

– Выжили? – с нескрываемым интересом спросил лейтенант.

– Подъели все, занимались охотой. Потом, в конце концов, на шлюпках ушли к Новой Земле. Там где-то по пути их подобрала. Спаслись.

Почти пришли, шкребая то по каменному крошеву, то по крупнозернистому снегу.

Чертóв замолчал, сдвинув брови, с пристрастием разглядывая строение. Крыша зимовья была перетянута канатами, почти без провисания крепящимися за ближайшие валуны.

– Занятненько, – пробормотал идущий рядом пилот.

– Что?.. – попытался морпех.

– Да ничего, – открестился Шабанов, – поглядим, что

внутри.

С одного боку строение было присыпано снегом. Там, где снег отступил, громоздились округлые камни насыпом у основания, для прочности.

На взгляд лейтенанта, домик выглядел, словно построенный лет десять назад, но никак не в 1880 году. Лишь на крыше был замечен зеленоватый налет от мха или плесени.

Оба окошка были заколочены ставнями. И дверь (небольшим выступом) тоже. Кстати, на двери были характерные следы – пошалил белый медведь, нацарапав свое любопытство или извечный поиск пищи.

Лопаты не понадобились, но прихваченный боцманом топор оказался к месту. Поддев доски, отжали крепления, немного повозились с перекосом петель, и вход оказался свободен.

Капитан, понимая интерес лейтенанта, еще ни разу не бывавшего в полярке и не видевшего ничего подобного, мотнул головой, пропуская Волкова вместе с первыми желающими.

Внутри никаких неприятных запахов, никакого тлена или разложения. Фонари высветили стены – доска имела кремовый оттенок, против ожидаемого Волковым потемневшего, серого. Это, видимо, никого не удивило – люди разбрелись, тщательно обследуя углы, пол.

А вот капитан и боцман, сразу направив свет на стены, были явно озадачены, бормоча и переговариваясь меж собой:
– ...а где?..

– ...тоже не вижу.

– ...странно, а куда могла...

– Впечатляет, – Волков указал на выцарапанные даты и прикоснулся к шероховатости доски, как будто к самой истории, – больше ста лет!

– Да, – с неопределенностью в голосе ответил Чертóв, – шли люди – честолюбцы и исследователи в одном флаконе, открывать новые земли, давать им имена, погибаться от холода и цинги, побивать рекорды и быть первыми.

– Народ! – слышался чей-то возбужденный голос. – А это что за... я тут нашел что-то!

Все обернулись, направив фонари на одного из членов экипажа, затем на боковую стену, где выше были приколоты какие-то листы бумаги.

Раздается новый возглас, и лучи света мечутся в другую сторону – пилот, стоящий у окна, указывал на жестянку, прибитую к стене. В руке он держал какой-то предмет.

– Аккуратней! – чуть повысив голос, потянулся капитан, отбирая находку.

Сразу три фонаря осветили руки кэпа, развязывающего бечевку, разворачивающего верхний слой плотной серой бумаги. На свет появились первые белые листы, исписанные мелким почерком.

Волков пригляделся – на английском. Руки кэпа подрагивали, разобрать ничего было невозможно, а сам Чертóв, бегом пролистав, отыскал подпись в конце:

– Письмо Ли-Смита. Невероятно!

Все вдруг заговорили разом. Волков улавливал лишь отелльные фразы, не всегда понимая, о чем говорят.

– ...я был в две тыщи одиннадцатом – тут все прибрали, вычистили...

– ...а сейчас мусор всякий, ржавые консервные банки, да же каменный уголь в углу...

– ...м...даков хватает...

– ...турысты, мля-нах их...

– ...но откуда эти древности?

– Может, объясните... – Волков взглянул на капитана с боцманом, продолжавших изучать бумаги. – Я так понял – это артефакты старых полярных исследователей?

– Дело в том, что в 1913 году тут побывали люди из экспедиции Седова и упоминали об этих находках. Но уже в двадцать девятом другой «Седов» – советское судно, также проходило по этим местам. Члены экипажа побывали тут и уже ничего этого не обнаружили. Кто-то прихватизировал ценные исторические документы.

– Так, может, это новодел? Для привлечения туристов... дескать, «великое открытие», «невероятная находка», и под это дело приторговывают «настоящими» историческими артефактами?

– Хорошая версия, – крякнул боцман, – только...

– Только есть странности и нестыковки, – подхватил капитан, двинув вдоль стен, освещая фонарем, показывая: –

Вот это нацарапал штурман «Эйры» в 1881 году, вот надпись Вильяма Брюса из экспедиции Джексона 1897 года. Но нет ни одной записи последующих годов. А они были. После постройки сего обиталища на этих стенах отметились многие полярные экспедиции, да что там говорить – все кому не лень! Вот, например, на этом месте, над брюсовской, я прекрасно помню, была запись 1955 года. А вот тут отличились наши ухари в шестидесятых годах, накарябав, как они убили и вые... поимели медведя. Придурки. Сохранность домика, как видите, идеальная – не закрашено. Не скоблили. Их просто нет! Еще нет!

– В смысле «еще»? Не пойму, к чему вы клоните?..

К разговору капитана и морпеха прислушивались уже все, притихнув.

Чертов на некоторое время замолчал, собираясь с мыслями. Скинув капюшон, провел рукой по голове, словно с непокрытой головой лучше думалось.

Начал он плавно, подбирая слова, сам еще не уверенный в своих выводах:

– Честно говоря, я все еще надеялся, но полное отсутствие следов человека на Земле Александры вызвало у меня определенное ощущение. Как будто мы плыли, плыли и... приплыли.

– В другую Арктику?

– Время. Тут ключевое слово «время». Арктика та же – время другое. Как будто время замерло, отыграло назад в

позапрошлый век – самый конец или прошлый – в начало. Потому что – морзянка в эфире и тот пароход, дымящий на угле, не иначе. Я рассудил, что ближайший человеческий «памятник» находится на Белле. До Капа-Флоры топлива на вертолете точно бы не хватило.

Стоящий рядом Шабанов непроизвольно кивнул, подтверждая.

– И вот, – Чертов окинул взглядом стены зимовья, – я вижу, что после Смита и Джексона тут никто не бывал. Словно мы окунулись в прошлое. И тогда становится понятным отсутствие спутников... их время еще просто не наступило.

– И вы так спокойно об этом говорите? – только и пробормотал Волков.

Остальные молчали, чуть ли не открыв рты, тяжело переваривая полушариями серого вещества эту идею, версию или действительно – действительность.

Озвученное кэпом легло громом среди ясного неба. И как в дополнение снаружи гроыхнуло выстрелом, заставив всех излишне остро отреагировать – вздрогнули и скопом повалили на выход.

Доносится:

– Медведь!

«На улице» солнце совсем не щадит сетчатку, и, щурясь, озираются «где?», «кто?», «куда?».

– Медведь! – снова слышится крик, на слух Волкова,

совсем без паники. Оглянулся, влекомый звуками и общим движением. И увидел! Первое, что бросилось в глаза – шерсть медведя была перемазана ярко-красным.

«Кровь!»

Самое удивительное, что, несмотря на кровавый вид, зверь не выглядел свирепым хищником. Лейтенант доверял своему интуитивному нутру, но и на этом уровне ощущения страха не приходило. К тому же более опытные полярники не выказывали никакой суеты – никто не дергал остервенело затвор, не целился из ружья, хотя держали настороже.

Медведь стоял метрах в тридцати, подняв вытянутую морду, черной точкой носа вынюхивая новые запахи.

– Тюленя поди сож-жрал – сытый, – поясняет Чертёв таким голосом, словно сам наелся до отвала, – просто ему интересно – любопытная тварь!

– Совсем непуганый, – удивляется морпех. И как бы догадываясь: – Выстрела-то не побоялся. А? Действительно людей не видел!

– Для белого медведя выстрел похож на звук трескающегося льда – он к нему привычен с детства. И вообще эта скотина ничего не боится, – спокойно просветил кэп и крикнул: – Пальни ракетницей, стоишь, сиськи мнешь!

Кому надо, услышал – фыркнуло, разбрасывая искры и дым прямо под ноги животине. Скрикошетило от снега, уходя полого в сторону... дальше.

Ошалевшая зверюга, не ожидавшая такой подляны, взре-

вела, крутанулась и дала деру. Надо сказать, с приличной скоростью.

Народ ржал, присвистывая и прикрикивая.

– Столько мяса убежало, – с улыбкой посетовал лейтенант. – Он вообще как на вкус?

Капитан, подкинув в общее веселье свое «кхе-кхе», отмахнулся:

– Вонючка он. Что жрет, тем и воняет – ворванью да рыббой. Кровью его раньше спасались от цинги, а печень так и вовсе ядовитая.²⁵

Волков на это удивился и уже хотел разузнать побольше, как Чертов неожиданно решил ответить на его ранний вопрос:

– Спрашиваете, спокоен ли я? Не спокоен! Не спокоен. Только мне воспринять провал во времени куда как проще, нежели вам, например, черт меня подери. Потому что – Арктика! Поверьте – я знаю! Мне пятьдесят три, а на северах я, в полярке – по Арктике более двух десятков лет... Довелось походить по северной макушке планеты и пехом и на плаву.

Лейтенант покосился на призадумавшегося собеседника, оценивая. Образ закоренелого полярника Воронову представлялся иначе – обветренный красномордый или выбеленный кряжистый бородач. А этот – даже никакой тебе шки-

²⁵ Все дело в витамине А, концентрация которого в печени белого медведя очень высока. Употребление в пищу даже небольшой порции медвежьей печени приводит к тяжелому отравлению.

перской бородки, какие частенько отращивают капитаны, чтобы соответствовать образу. Чисто выбрит, лицо скорее слегка смугловатое. И нет этих характерных морщин, морщинок, обветренных и высушенных севером. Может, из-за склонности к полноте? Зато густые черные брови, короткая стрижка... И только в темных волосах пробивается пятидесятилетний мужчина – сединой, и взглядом... цепким, колючим, пожившим.

А капитан «Ямала» продолжал беречь свои ассоциативные образы:

– Потому что Арктика сама по себе... как экскурсия – путешествие в прошлое!

Здесь нет бактерий, поэтому не разлагается дерево. Лед и мороз – прекраснейшие хранители. И нередко можно найти что-нибудь такое-эдакое... выстегивающее нервы, вмерзшее во льды и снега за целую сотню лет назад, но как будто вчера! Целехонькое. Почти. Ильич, упокой его, в мавзолее позавидует! Вот как! И если помереть (а придется), то сгинуть бы здесь – во льдах, поближе к полюсу.

И если твои бранные останки не найдет оголодавший мишка или человеки, пролежишь не одну сотню лет. Хэх! Сохранишься, словно тело астронавта в вакууме космоса в скафандре... среди астероидов или на пыльных лунных тропинках. Романтика!.. И не надо скептически улыбаться, молодой человек! Посмотрите на эту базальтовую громадину, торчащую посреди льда и снега. Это ж... совершенно фан-

тастический пейзаж, словно другая планета! Как холодный вечный космос, где время замерло между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне», сохраняя часы, минуты на десятки, а то и сотни лет.

Ветер сносил слова в сторону, востря уши некоторых членов экипажа. Увидев, что опять набрал аудиторию, кэп прервался:

– Но... долой лирику. Что это у вас?

В руке лейтенант все еще сжимал обрывок плотной бумаги (на вид и ощупь), который подобрал в хижине, поддавшись общему порыву что-нибудь отыскать:

– Да, вот... нашел.

– Обертка от пеммикана. Практичная еда для полярника. В самом ходу в девятнадцатом веке и до первой половины двадцатого, – повертев в руке желтоватый лоскут, Черто²⁶ встретился с понимающим взглядом с Шабанова. – Что у тебя на борту?

– Из жратвы – НЗ. Еще сухарики какие-то молодежные – Осечкин трескает постоянно, оттого с запасом. И сухой спирт, как топливо.

– Тащи все. Оставим здесь. И двигаем обратно. Все что могли, мы уже увидели. По уму – сделать рейс на Нортбрук, но... покумекать надо.

²⁶ Pemmican – название происходит от индейского «пими-окан» (род жира) – высокопитательный мясной пищевой концентрат в сухом или вяленом виде.

– А если там сейчас кто-то погибает?

– Кто? Я все понимаю... конечно, не конвенция открытого моря, но коль у нас есть возможность помочь, надо бы... Вопрос – кому? У нас нет точной сегодняшней даты. И даже охватывая весьма большой период – с 1897 по 1913 год... сейчас припомню... В 1899 году – итальянцы. Где их там искать за островом Рудольфа? И сколько на это уйдет времени? В 1901-м – экспедиция Болдуина. Та же хрень. Лето девятисот первого – ледокол «Ермак» во главе с Макаровым. Все пройдет благополучно.

С тысяча девятьсот третьего по пятый – зимовка Фиалы. Несомненно, если мы сгоняем на Нортбрук и на мысе Флора отыщем российский флаг, установленный парнями с «Ермака» – привязка ко времени сузится. Но есть еще один фактор, который я пока и не обдумал толком!

– Судя по фамилиям – все эти экспедиции, кроме «Ермака», будут иностранными? – влез внимательно слушавший лейтенант и, получив утвердительный кивок, решительно заявил: – В таком случае считаю, что нам не следует показывать свою технику и возможности представителям иностранных государств.

– Ну, вот и наш морпех пришел к тем же умозаключениям.

– Я просто делаю маленькое упреждение, – пожал плечами офицер, тем самым давая понять, что до конца не принял версию капитана о попадании в прошлое.

С пилотским пайком НЗ, как и с сухариками в хрустящей упаковке, немного пришлось повозиться – из-за этой самой упаковки, на которой были нанесены футуристические надписи, включая даты изготовления. В конце концов просто распотрошили содержимое, рассовав в безликий целлофан, уложив в найденные в хижине емкости.

В отличие от Земли Александры, где сняли короткое обзорное видео с высоты, на Белле еще изрядно пощелкали камерами – был исторический объект и предметы.

– А то, как вернемся на «Ямал», я и сам перестану верить в увиденное, – резонно заметил кэп.

Аккуратно собрали все памятные артефакты, понимая историческую ценность этих документов и записок.

Вход в зимовье тщательно заколотили, осмотрелись вокруг, оглянулись перед посадкой на домик – человеческий островок на островке, свидетельство людского посещения и пристанища.

Засвистели, побежали по кругу, завращались... задрожал, отрываясь от земли, «Миль», медленно, с припущенным хвостом прошел полукруг над клочком суши. Уже с высоты пилот указал:

– Гляди, а мишка нас провожает, только что лапой не машет.

Хозяин тутошних северных пустынь стоял на каменистой россыпи. Поднятая кверху голова зверя поворачивалась

вслед удаляющейся машине.

* * *

А по прибытии перво-наперво – на камбуз, в столовку.

Капитан намеренно не стал ни просить, ни приказывать, чтобы до поры помалкивали о результатах и выводах разведки на архипелаге. И сам пока не делал никаких заявлений.

И разговорчики среди экипажа, естественно, поползли.

«Пусть привыкнут, обдумают, пересудачат...»

И только после запоздалого обеда (и еще полчаса на «пока оно уляжется») объявил сбор в кают-компании для начальников служб судна.

Расселись по креслам. Пообсуждали, точнее поспорили, но без азарта, с заметно гнетущим настроением.

Многие вообще отмолчались, думая о своем и, видимо, о личном. В воздухе витало скользкое слово «неопределенность».

Прокрутили фильм, снятый с «вертушки» и затем в зимнике Ли-Смита, – впечатления не произвел. Старые бумаги разошлись по рукам, но люди продолжали проявлять скепсис. Чертов и сам почувствовал, что на месте живую все смотрелось более реально. Да и здравый смысл продолжал вопить: «Этого не может быть!» Человеческая психика упрямо цеплялась за стереотипы.

В чем полностью поддержали капитана, так это в решении идти к материку, к цивилизации. И нецелесообразности посылать на повторную разведку вертолет, найдя даже применимый к нетривиальной версии аргумент: «Если мы оказались в прошлом, где нет никакой современной ремонтно-производственной базы, следует беречь ресурс сложной авиационной техники». Да штурман пробурчал что-то про «пару нормальных да ясных ночей со звездами – я бы поколдовал с обсервацией и приблизительной датой наверняка».

Командир морпехов опять заикнулся об организации штаба и привлечении его подразделения к обеспечению безопасности.

В этот раз Чертóв отнесся к предложению военного не столь критически. Однако по-прежнему положительный ответ давать не спешил.

– Что ж, – подвел черту совещанию, – пока будем плясать от имеющегося.

«Ямал» снялся с ледовых якорей, заворочался, получив пинок от винтов, потеснил льды, совершая движение и разворот на месте. Пополз по недавнему следу, затянувшемуся индиговой коркой посреди слепящего белым пространства.

* * *

Из припая выбрались в 19:00, если судить по хронометру.

Солнце приспустилось, наливаясь красным.

Впереди простиралась открытая вода. За ней, где-то еще не в пределах видимости, уже раз пройденные неприятные льды. Прикинули в штурманской направление и скорость их дрейфа. Течения с Карского моря и устойчивый норд влекли дрейфующее поле к югу, юго-западу.

– Нам попался, видимо, отколовшийся бродяга-пак – спустившийся отрог океанического ледяного массива, обросший годовалым льдом местного происхождения, – сделал самое простое предположение капитан, – не понравился он мне. Рассчитайте маршрут, курс, время... сам поведу.

Наведавшись в радиорубку, Андрей Анатольевич уселся и немного погонял шкалу, но не было даже словленной ранее морзянки. А поскольку записи перехваченных сигналов не велось, то и дежуривший на тот момент радист уже сомневался:

– Теперь уж и не знаю... может, это такие отголоски грозовых помех были...

Капитан покосился на блоки и терминалы глобальных систем, но там много не покрутишь, не подстроишь – просто светятся «контрольки» отсутствия доступных спутников. Вот и весь сказ.

По пути к себе в каюту его перехватил Волков – старший лейтенант был настойчив и хотел обговорить какие-то вопросы с капитаном лично.

Особого желания не было – устал, но согласился, надеясь, что недолго:

– Пройдемте в мою каюту... там.

Спустились палубой ниже. У двери каюты Чертов попросил обождать, ненадолго скрылся у себя, потом вышел (видимо, переодевшись) и предложил пройти в рабочий офис – соседняя дверь.

– Давайте, – натруженно усевшись за стол, предложил хозяин кабинета, – выкладывайте. Вы все по поводу ввода ваших парней в действие?

– И про это тоже...

– Эх вы, военные, так и норовите построить, возглавить да покомандовать! Да вы присядьте...

– Я просто хочу сказать, что всецело стою на вашей стороне. И, несомненно, признаю ваше командное право на корабле...

– На судне, – рассеянно поправил кэп.

– ...но если надо будет провести военную операцию на суше – тут уже моя компетенция. Ежели надо будет защитить ледокол от несанкционированного враждебного проникновения, абордажа – в этом случае выбор за совместными действиями. Потому что именно вам и экипажу известны важные, уязвимые точки судна, которые надо взять под контроль в первую очередь.

– Вы серьезно? Думаете, может дойти и до такого? – Бро-

ви капитана взметнулись в удивлении и тут же нахмурились тревогой.

– Я просто не исключаю и хочу просчитать любую ситуацию, но, конечно, для начала увериться, так ли верно, что мы не в своем времени.

– Да... слишком фантастично. И есть сомнения. Мою версию не поддержали. Даже я сам сейчас уже не уверен...

– А вот я... не то чтобы наоборот, но после того как послушал резоны ваших помощников, понял, что это не коллективное умопомешательство.

– Люди просто не верят, цепляются за надежду, что все произошедшее – недоразумение, – Андрей Анатольевич кисло улыбнулся, – погодно-аномальное.

Лейтенант покачал головой:

– Я подумал, сопоставил факты... хоть пустынные острова, которые мы посетили, для меня не аргумент (я на них раньше не бывал, и мне не с чем сравнить), но если собрать все, что с нами произошло до кучи – в знаменателе маячит ваша гипотеза. Еще бы пару доказательств, и... тогда уж точно.

– Что точно? – Вопрос прозвучал все еще вяло, но экспрессия офицера начала немного поддергивать.

А Волков не удержался – вскочил и начал вышагивать по капитанскому офису. Достаточно удобное, в плане простора, помещение неожиданно стало тесноватым для широкого и плечистого морпеха.

– Да как вы не понимаете! Только подумайте! На начало двадцатого века – мы сами со своими знаниями... судно, которое в техническом плане в пору назвать суперсудном! Начинка и грузы на борту! Все это бесценно и беспрецедентно! Да разведка и правительство любого государства душу дьяволу продадут, чтобы обладать всем тем, что мы несем в себе и с собой!

– Но нам, так или иначе, для идентификации даты, да и вообще узнать – не творится ли какая-нибудь чертовщина в мире, необходимо встретить и опросить аборигенов. Или следовать в район Мурманска, в порт.

– А чьи суда мы тут можем встретить? Из чужаков – норвежцев, англичан, американцев?

Чертов, наблюдая за движениями подкачанного вояки, нашел их немного забавными – эдакий крепыш-паровоз, пыхтящий до одного конца кабинета, затем почти со строевой грацией «кру-гом» и обратно. Остановить эту шагистику хотелось каким-нибудь «равняйся-смирна», но вырвалось:

– Скажите, а какое у вас было прозвище в училище?

– А почему вы спрашиваете? – От неожиданности лейтенант замер и сразу же ответил: – Волчок. И в школе тоже.

– По фамилии, – понимая, кивнул кэп и улыбнулся, – но и так похож – крутишься, как волчок.

– А у вас? – немного взъелся морпех.

– У меня тоже по фамилии, но не от «черта», а от «черт». Поначалу в школе дрался и нередко доставалось. Потом даже

понравилось – Черт так Черт.

Капитан на секунду замолчал, погружаясь в воспоминания. Затем все же вернулся к прерванной теме, снова став серьезным, уточнив:

– Что же касается... то есть мы по умолчанию будем отталкиваться от ситуации, что находимся в прошлом? Мы, по сути, говорим о царской России начала двадцатого века?

Старлей осторожно, но уверенно кивнул, соглашаясь:

– Так точно.

– Так вот, что касается встречи с судном... замечу, с любым судном, включая и российские – практически от любой посуды мы можем просто уйти, то бишь удрать, пользуясь преимуществами РЛС и скорости. Кто тут может быть? В основном поморы, русские и норвежские зверои рыболовы. Военные корабли – только российские из охраны и патрулирования охотничьих угодий. Эти – да, могут проявить к нам навязчивый интерес в специфике своих противобраконьерских задач. А нам... нам вообще имеет смысл поднять американский флаг. Вот только не надо на меня так зыркать, будто я родину продал! Сами же говорили «разведки мира... душу дьяволу... тыры-пыры»... А так – никакого внимания к России! Огромный, диковинный корабль с красной надстройкой – исключительно заокеанский.

– А зачем нам и от российских судов скрываться?

– Не скрываться, а... но опять же перефразируя вас – мы весьма лакомый кусок. Нас с таким же успехом могут взять в

неприятный оборот не только просвещенные мореплаватели и их европейско-заокеанские коллеги, но и российские деятели. Среди которых немало далеко не патриотов, корыстолюбцев, продажных чинуш, да и просто дураков. А мне не улыбается идти в безоговорочное подчинение к подобным типам. Хочется сохранить, так сказать, творческую независимость. Так не лучше ли объявить, что мы русскоязычные выходцы из Америки, вознамерившиеся помочь альма-матер в плане промышленных разработок и технических новинок? Но на своих условиях, а не по прихоти недалекого самодура, который сдуру, извините за тавтологию, прикажет забивать нашим «атомным микроскопом» гвозди. Вы понимаете, о чем я?

Старший лейтенант задумался, изображая на лице работу мысли и умозаключений. Поначалу на вид даже согласился, но потом до него дошло:

– Но ведь в таком случае мы не сможем выступить в роли...

– Кассандры?

– Ну, типа того. Если мы предстанем как просто технические новаторы, не обозначив, откуда мы и кто, нам никто не поверит. Не поверят в то, какие потрясения ждут страну... И ничего не изменить.

– Революция? Поддержать царскую власть?

– Да при чем здесь царь! Жертвы. Война. Да и чем лучше всякие «бронштейны» и прочие «швондеры».

– И то верно. Но это хорошо, что вы вне политики. Военные так и должны. Вот и я бы не хотел влезать в политические дебри, – капитан примолк, почесывая подбородок. – Попытаться можно. Если осторожно. России вообще бы в Антанту не влезать...

– А если и влезет... – запальчиво встрял лейтенант, – согласен, что технически раскачать царскую Россию будет непросто и не быстро. Я мало что помню из Первой мировой, но был Брусиловский прорыв и окружение армии Самсонова, а у нас тут два десятка современных радиостанций – наладить взаимодействие армий, вломить немцам. Глядишь, и спокойней все пройдет с революциями и гражданскими смутами.

– Как у вас все быстро, – остудил капитан и быстро согласился: – Хорошо. Завтра я дам команду подвахтенным – просмотреть электронные носители и печатную библиотеку, как по истории, так и все, что есть в техническом плане. У нас там журнальчики еще с советских времен, вплоть до «Техники – молодежи». Еще бы неплохо поднять личные дела членов экипажа на предмет, какими еще профессиями и навыками они владеют. Хотя с этим, пожалуй, стоит подождать.

– Почему?

– А представьте, как глупо все эти меры будут выглядеть, если вдруг завтра все вернется к прежним... м-м-м, характеристикам? Поэтому прежде и непременно надо определиться, что вокруг нас – куда нас, сударь, к черту занесло, цити-

руя одну песенку.

Выработать общую стратегию. Однако приоритетным я считаю сохранить судно, знания, специалистов, людей для будущего страны. При любой власти. Не продажной, естественно. А в политику бы постарался не вмешиваться, ничего не предупреждая, не советуя. Как бы хуже не наделать.

– Вы меня извините, Андрей Анатольевич. Вам с высоты ваших лет, конечно, видней. Но мой жизненный опыт учит, что не выложившись по полной, не получишь нужной отдачи. Полумеры и приведут к полурезультатам.

– Красиво. Примем к сведенью и подумаем, – капитан, уже не скрываясь, позевывал. – Однако, молодой человек, давайте закругляться. Мне с утра вести «Ямал» по не самым легким льдам, и надо выспаться.

Старший лейтенант хотел обсудить еще несколько вопросов, но капитан встал из-за стола, всем видом давая понять, что вести беседу больше не намерен. Уже в коридоре морпех вдруг вспомнил:

– А откуда у вас американский флаг?

– Туристы. У нас кого только не бывало. Часто подарки оставляют. Вот какой-то америкос в прошлом году еще ничего лучше не нашел, как сделать полосатенький презент со звездочками. Теперь пригодится.

Метку на экране РЛС могли бы принять за средних размеров айсберг, если бы спустя некоторое время наблюдений и расчета не определили, что объект имеет угловое смещение. Неизвестный шел примерно пятиузловым ходом, выдерживая курс на норд-норд-ост.

Через некоторое время точка на радаре стала сползать левее.

– Сменил курс, – доложил вторпом.

– Рассчитайте дистанцию, скорость, курс, расчетное время перехвата. Идем на сближение, – приказал Чертов, тихо позабавившись над своим «расчетное время перехвата»: «Прямо военная операция!»

Льды уже были «одногодки». Здоровенная туша «Ямала» словно не замечала этого полуметрового покрова, легко и уверенно перемалывая его на среднем ходу. Даже не вздрагивая. Как по воде.

Расчет дистанции на РЛС сокращался равно скорости атомохода.

В рубку поднялся старший лейтенант (сам просил предупредить его, если случится что-нибудь неординарное). Негромко поздоровался, стоял, зевал с помятым лицом в сторонке, на удивление не задавая вопросов.

В рубке слышались лишь редкие комментарии вахтенного

на рулях да мерный зуд работы агрегатов.

Чертóв сам решил пояснить обстановку:

– Мы его зафиксировали с двадцати миль эрэлэской. На радиозапросы не отвечает. Думаю, через часок сможем поглядеть на него в бинокль.

– Час? Тогда я отлучусь. А то примчался, даже не умывшись.

Спустя тридцать минут морпех вернулся с собственным биноклем и нетерпеливо пританцовывал у остекления рубки, иногда замирая, настраиваясь на какую-то примеченную им подозрительную точку.

Таких «точек» там вдалеке было предостаточно – белое поле тянулось еще несколько миль, затем дробилось фрагментами, отдельными айсбергами, между ними темнели полыньи, открытая вода, снова льдины. Сплошное не разбери чего...

– Рано еще, – снисходительно притормозил его кэп, – судя по отраженному сигналу, там нечто небольшое. С этого расстояния еще не разглядишь.

Видя, что лейтенант не оставил своих попыток, Чертóв посоветовал ему искать мачты.

– Может, вообще паруса?

– Вряд ли... при таком-то курсе и ветре. Кстати, хотел вас спросить! Вы вчера все мировую войну поминали, а ведь мы можем аккурат в годы Русско-японской оказаться.

– Думал я об этом, – немного угрюмо ответил Волков, – если говорить о прогрессорстве, то время от предложения до воплощения в производстве и массовой эксплуатации любого новшества... в общем, нам бы до Первой мировой успеть что-нибудь привнести. Куда уж там Русско-японская.

Чертóв бросил короткий ответный взгляд, хотел возразить и привести какой-нибудь пример.

Довелось ему как-то осилить пару книжечек по альтернативной истории именно про Русско-японскую войну. Чисто случайно – в долгой железнодорожной поездке на югá, подсунули непьющие соседи по купе.

У авторов там «попаданцы»... и так уж у них все гладко да ладно – сущие приключения. Почему-то Чертóву было стыдно показать, что он вообще читал такую несерьезную ерунду. Поэтому промолчал. Ко всему, посчитал, что рано огород городить, пока все еще так неопределенно.

Минут через двадцать настырность лейтенанта была вознаграждена, и он уверенно воскликнул:

– Вижу мачты!

Теперь ухватились за бинокли дружно, включая старпома, штурмана.

– Пока трудно что-либо сказать. Подойдем ближе. Нас-то они точно уже заприметили, уж мы для них во всю свою красную красоту.

Вскоре наметанные глаза моряков примерно определили

класс судна.

– Да это парусно-винтовая шхуна, не иначе.

– Так что?.. – решил уточнить лейтенант, со значением взглянув на капитана.

– Старичок, судя по трубе. Так что скорее «да», чем «нет», – ответил таким же взглядом Чертов, – но такие паровички, кстати, долго ходили. Подойдем ближе, прочитаем название, принадлежность.

– А мы уже под американским идем?

– Да.

– Интересно, что они подумают о надписи, которая у нас по всему борту крупными буквами?

– Ха, а я об этом и не подумал. Надо будет среди экипажа провести викторину, кто лучше придумает расшифровку. А то вдруг слово «атом» наведет предков на разные умозаключения. Рано им еще...

– И еще, – гнул лейтенант, – они от «улыбки акулы», нарисованной в носу, не офигеют?²⁷

– Можно дувануть холодным пневмообмывом, – предложил штурман, – при такой забортной температуре корпус покроется коркой изморози и инея. Маскировка.

Капитан дважды кивнул, давая «добро». Сам – все внимание на шхуну:

²⁷ В рамках одной гуманитарной программы «Ямал» возил детей разных стран мира на Северный полюс. Веселья ради кто-то предложил на носовой части нарисовать улыбающуюся акулю пасть. Рисунок прижился.

- По-моему, у него коммерческий флаг России. Я бы сказал – удача!
- Поднять «лиму»? – голос подслушивающего старпома.²⁸
- Помягче, помягче с предками, – уже в полной уверенности попридержал капитан, – они и сами не прочь пообщаться.

Кабельтовы между судами отсчитывались последней десяткой. До этого идущий серьезным ходом ледокол отработал реверс, резко сбавив, и теперь медленно накатывался, в этой неторопливости внушая еще больше уважения своими размерами.

Снег, забившийся в отверстие клюзов, довершал рисунок зубатой пасти чуть прищуренными глазницами.

– Да хорош тебе креститься!

«Скуратов» давно уже едва вращал винтами, практически дрейфовал, чуть подрабатывая машинами для спрямления на контркурсе. На штурвале никаких усилий, рулевой таранился на приближавшегося громилу с оскалом, не в силах сдержаться, и капитан, почувствовав небольшое рысканье, услышав полусшепот «Святая Богородица», счел нуж-

²⁸ Флажный морской международный сигнал «L», «Lima», требующий остановиться, с контекстом «у меня есть важное сообщение».

ным приструнить матроса.

– Несомненно «Ямал», – прекратил ранние домыслы Престин, – название судна вполне на своем месте. Почему именно «Ямал», а не какой-нибудь «Лонг-Айленд», не знаю. Как и о тех больших буквах по борту не берусь судить. Бог его знает, что там у американцев в головах.

– А вдруг он российский, козь буквы нашенские?

– Был бы он российским, был бы «Ямаль», не так ли?

– Посмотреть бы его внутри, – мечтательно протянул мичман.

– У нас нет повода его досматривать.

* * *

Два судна плавно сходились, прогудев друг другу в приветствии.

На одном пожирали глазами, с замершим и одновременно нетерпеливым любопытством.

На другом уже все понимали, и закономерный интерес – повстречать и взглянуть на сто лет назад, портила навязчивая тревога: «А что дальше? Что их ждет? С чем им придется столкнуться, о чем, возможно, они не подозревают, при всей якобы осведомленности о прошедшей эпохе?»

Жизнь и работа в Заполярье имеет далеко не тепличные условия и определенные сложности, что уже характеризует людей, выбравших профессии, подписавших контракты и

просто погнавшихся за длинным рублем.

Теперь же все то, что осталось там, в двухтысячных, казалось незначительной рутинной и легкой поступью.

То, что с ними произошло... этому нет аналогов, нет примеров, нельзя опереться на чей-то опыт.

Не считать же компетенцией бравые похождения попаданцев из беллетристики альтернативок.

Ни один из авторов этих приключенческих опусов ни передать, ни даже представить не мог, какие ощущения и переживания испытываешь, оказавшись в такой ситуации... вдали от своего дома, семей, удобств жизни, привычек... самого времени, в конце концов.

А главное, понимаешь, что ты никто здесь и за тобой никого. Рубануло где-то там под основание – на чем ты стоял, на что опирался... и ты вроде целостный, умный, сильный, почти всезнающий.... Но гложет, гложет такое неприятное ощущение шаткости...

Кто мы для сильных мира сего? Для царя, министра, генерала и даже обычного имперского чиновника, на худой конец?

Да, знания – сила. Да, ледакол – мощь. Но не будешь же скитаться во льдах вечно. Придется идти на контакт, сотрудничество и, эх... как бы не в подданство.

Перешли на левое крыло мостика, потеснив старшего вахты.

– Надо ж, какие хитрованы! Шлюпку спускают. Хотят к нам – поглазеть.

– А и пусть, – с нервным смешком ответил Чертóв, – на своей территории сподручней. У них на шхуне и условия для долгой беседы, поди, не те. Спускайте трап и приготовьте к встрече кают-компанию. Только присмотри, чтобы не светить ничем таким, что может вогнать нынешних современников в недоумение. Уберите или прикройте чем... Озадачь подвахтенных, но без праздношатающихся. И чтоб не болтали лишнего.

– Так это... – почесал затылок боцман, – может, тогда их в обеденный зал? В кают-компании столько всего накручено, не успеем.

– Хорошо.

Боцман шумно удалился выполнять распоряжения.

За спиной заворочался лейтенант, откашлялся, обращая на себя внимание. А сказал всего одно слово:

– Караул?

– Ну, что ж вы, товарищ старший лейтенант, – не удержался от снисходительности капитан, – бросьте вы с караульной-то службой своей. Название на борту прочитали? Это парусно-винтовая шхуна «Лейтенант Скуратов». Бывший «Белкан»... э-э-э, пардон – «Бакан». В начале девяти-сотых с нее сняли пушки.

– Сведения достоверны?

– Я очень дотошно изучал все про исследования Арктики.

Суда и корабли меня интересовали особенно.

– Все же в целях безопасности...

– У вас есть личное оружие?

– Пистолет.

– Вот и возьмите. Только не выпячивайте. И наденьте что-нибудь без шевронов «Россия». Мы ж американцы, не забыли?

* * *

Шлюпка небольшая, всего в четыре весла – как и положено слаженно, взмахивали над водой, плеском шлепаясь в воду, толкая суденышко к цели.

– Поочумели господа офицеры, – удивился Чертов и уже громче, не отнимая бинокля: – На улице минус грызет, а они чуть ли не парадку напялили на встречу. В фуражечках. Померзнут же.

Вынесенное практически вровень обводам крыло мостика давало возможность смотреть под борт. Шлюпка мягко прибилась к железному трапу. С ледакола скинули концы. Один из офицеров махнул рукой, видимо, в команде «весла на валец», и матросы послушно задрали их кверху.

Чертов поспешил к себе в каюту: «Представителей императорского флота надо встретить достойно, не в жилетке-безрукавке. Следует переодеться».

Форменный китель висел не надеванный с месяц, с по-

следней экспедиции при толпе пассажиров. Снял с тремпеля, встряхнул, отстегнул дурацкий бейджик, который цеплялся в основном для журналистских делегаций и иностранных туристов.

Коротко окинул себя в зеркале и вышел.

* * *

Нависающий над шлюпкой черный борт ледокола терял свою радикальную идеальность, обнаружив местами потеки ржавчины. Но что примечательно – ни одной заклепки!

– Сварной! Швы! – Подходили на веслах ближе, и мичман обращал внимание уже на открывающиеся детали и мелочи. Но едва причалили и фалрепные кинули им «концы», Престин шикнул, пресекая недостойные эмоциональные возгласы.²⁹

С борта их окрикнули на вполне русском, впрочем, не особо многословно.

Вбежали по трапу, следуя предложению быстрее оказать-ся в теплом помещении – ушей на морозе уже не чувствовали, и без стеснения стали их растирать ладонями, двигая за вестовым. Уже второй очередью подмечая добротную одежду местных матросов, трапы, коридоры – отделка без изысков, но и без всяких трубопроводов и проводов по потолку,

²⁹ *Фалрепный* – матросы для встречи и проводов прибывающих на корабль.

больше смахивает на гостиничное убранство. Много света, чистота.

Привели их в весьма немаленький зал, что не удивляло, учитывая размеры самого судна. Помещение походило скорей на офицерскую кают-компанию, уставленную столиками и замысловатыми креслами. И пусть царской роскоши не наблюдалось, но все так добротное, практичное, необычно, если не сказать чуждо.

* * *

– Премного благодарен...

Первое, что услышал Чертóв, едва вступил в обеденный зал.

Витал запах кофе, гости расположились за столом. Напротив старпом, изображающий «хлеб-соль». Ему-то и предназначались слова признательности за угощение.

Увидев вошедшего капитана, офицеры встали, слегка выдвинувшись навстречу.

– Садитесь, садитесь, пейте кофе, отогревайтесь. А то вы прям не по погоде оделись, господа. – Чертóву почему-то хотелось оттянуть всю официальную часть, побеседовав и разведав обстановку в мире за чашкой-другой.

Он понимал, что начав с «капитан ледокола “Ямал” и бла-бла-бла», придется двигать дальше версию американского происхождения, а без уточнения деталей современности

можно было погореть на нестыковках.

Однако гости чеканно представились, вынуждая переходить к делу.

Протянул для рукопожатия руку и почувствовал, как дрогнула встречающая кисть, когда он озвучил свою фамилию.

Стало немного смешно смотреть, как бравый морской офицер пытается сохранить невозмутимость.

«Во как их перекосило! Демоническая пасть на носу судна и капитан – практически “черт”. А ведь у них царь-батюшка и вера православная почитай на первом месте, – мелькнуло в голове, – сколько ему? Лет сорок пять? Эти усы да бородки их изрядно старят. Сорок? Взрослый серьезный мужчина, а туда же... Как он там назвал себя помимо командира шхуны? Штабс-капитан Корпуса флотских штурманов? Значит, должен понять».

Вслух же, изобразив полную благостность, произнес:
– Уж поверьте, она у меня не от Антихриста! Чертежная у меня фамилия! Предок мой начал службу во флоте «пилотом». Если помните, так раньше штурманов называли. А еще «цифирниками». А моему пра-пра-пра отдельное прозвище дали, поскольку, понятное дело, курсовые прокладки на штурманских картах чертил.³⁰

³⁰ Одно время флотские офицеры («белая кость») штурманов называли «цифирниками», гнушаясь «подлым» недворянским цифирным делом (расчетом и прокладкой курса). В дальнейшем были приняты некоторые меры по смягчению дискриминации штурманской профессии. Тем не менее в царской России штурманы продолжают организационно принадлежать не к флоту, а к Корпусу флот-

Сразу потеплело, в ответ кивнули, чуть дрогнув в улыбке, но терпеливо молчали в ожидании. Два флотских мундира царской России чернели на фоне скорей хайтековского дизайна совершенно не маскаратно – гости вели себя абсолютно естественно и чинно, с оглядкой, конечно, на здоровое любопытство.

«Они живут с этим... это их типичное поведение, их настоящее, – умозрительно заметил Чертов. А затем почему-то совсем невесело поскребло мыслью: – Если бы в голове крутились пресловутые шарики-ролики, сейчас бы наверняка щелкнули, отмечая еще одну зарубку, еще один шагоч на шкале приятия действительности – мы оказались там, где оказались. Н-нда! И ведь не в высоких званиях, не князья какие, а как держатся... по сторонам откровенно не глазеют, хотя попялиться есть на что, несмотря на предпринятые меры. Один только ЖК в 63 дюйма, пусть и с мертвым экраном должен рождать вопросы. А с другой стороны, мало ли. Не помню, “Черный квадрат” Малевич уже наваял?»

Пауза затягивалась, а Чертов словно споткнулся в мыслях. «Ну, вот бывает так! Бывает! Вроде подготовишься, пусть и не отрепетируешь до идеала, но без наводящих вопросов не получается даже начать. Не стелется его американская лапша на уши. Не хватает некой логической плавности и последовательности. Насколько нелепо будет рубить с плеча, дескать, здравствуйте, господа, мы из Америки, великие изоб-

ретатели и капитаны Немо на небывалом корабле, дети российских эмигрантов – по-русски говорим и пишем, но сами видите, не всегда понятно и немного безграмотно. И не то что не поверят (как ни крути, путешествие во времени принять еще сложнее) – начинать такое дело с таких сомнительных пассажей мелко и несерьезно».

Просто ему представилось, как это будет звучать в интерьере обеденного зала, в общем взгляде на многотонный суперледокол, спокойными и простыми глазами предков – капитана и мичмана с парохода императорского флота. Которые вот они – тут и сейчас, лицезрят воочию и удивленно.

«А в каком качестве это добредет до столицы, до канцелярий, министерств, до адмиралтейства? Ну, приплыли какие-то из Америки. Предложили нечто инновационное. Ну, так пожалуйста в Петербург, господа хорошие. Подавайте прошение на Высочайшее имя. Показывайте свои технические чудеса. Оформляйте привилегии, патентацию. А мы рассмотрим их эдак через годик. Ах, не желаете показываться перед иностранными атташе-шпионами? Экие вы параноики. Ну, так и сидите там, зимуйте, ждите, когда создадим и отправим комиссию, годика через два-три. Вот и получается, что если не удивить, не ошарашить, не заставить шевелиться, то возможно, эта неповоротливая махина под названием Российская империя и не сдвинется. Вот же гадство! Вроде бы такой корректный и приемлемый план летит к чертовой матери при первом же соприкосновении с действитель-

ностью. И то ли еще будет... Что же делать?»

А подпнул его лейтенант, который тихо кашлянул, чем привлек внимание.

Волков пришел на встречу в цифре-камуфляже, как условились, без каких-либо знаков отличия. Однако военным от него несло за версту. Сидел за дальним столиком, вроде как ни при чем, но встретившись взглядом с Чертовым, вот как будто читал мысли и видел замешательство капитана. И причину... понимающе прищулив глаз: «Что, Андрей Анатольевич, тяжела ноша?»

«Или это только показалось? И прав ведь был, что полумерами не отделаться. И штаб таки, мать-перемать, придется организовывать. И парень наш, морпех-лейтенант, при любом раскладе в него должен будет войти».

Наконец решив для себя, обратился к старшему из гостей:
– А знаете, Константин Иванович... вы позволите так к вам обращаться? – И получив молчаливое согласие, продолжил: – В таком случае и я для вас Андрей Анатольевич. А то вижу, что «господин Чертов» все же режет ваш слух и язык. Не правда ли?

И хозяева, и гости сдержанно покряхтели в натянутых смешках, быстро взяли себя в руки, вернувшись к серьезному виду.

– Разговор у нас скорей всего будет долгим. Поэтому не лучше ли приказать вашим матросам взойти на борт, в теп-

лое?

* * *

– Константин Иванович, – дождавшись, когда мичман в сопровождении начальника безопасности покинет помещение, медленно и тяжело начал Чертов, – то, что я сейчас вам скажу (и расскажу), является самым большим секретом. На данный момент. И не только в России, но и в мире. Чем меньше людей будет знать об этом, тем больше шансов, что удастся использовать все преимущества от этой информации. Скажу более – лишняя болтовня, случайно оброненное слово – жене, друзьям, челяди – может привести к самым плачевным последствиям. Поэтому, если есть возможность оставить вашего помощника в неведении, лучше оставить.

Капитан атомохода сделал маленькую паузу, давая время гостю осмыслить услышанное.

К удивлению, тот не выказал никакого волнения и даже кинул вполне понимающий взгляд, мол, продолжайте, я и сам вижу, что с вами что-то не так.

– Кстати, – продолжил Чертов, – однозначно следует взять у всех членов экипажа вашей шхуны подписку о неразглашении. Не знаю, существуют ли сейчас подобные формы...

– Поручительство о сохранении тайны, – помог офицер императорского флота.

– Как-то так... – кивнул капитан, – чтобы ни словом

не обмолвились о существовании ледокола под названием «Ямал». А вы... Коль вы теперь по случаю и необходимости оказались замешаны в этом деле, то через вас в первую очередь... вашей помощью и советом будем решать, как нам донести важные вести, наши технические новшества до самого верха, минуя ненужных посредников, лишних «ушей» и не дай бог иностранных агентов.

– Извините, – кашлянул Престин, – вы, как я понял, такой долгой прелюдией готовите меня к чему-то... кхм, страшному. Но что вы имеете в виду под «посредниками»? У меня есть прямое начальство по Морскому ведомству, которому я обязан доложиться. Единственное... ныне я имею позволение непосредственно известить главу Архангельской губернии. Это на сегодня мой самый большой «верх». Не берусь судить, на какой верфи построен сей мощный ледоход, но явно не в России. В таком случае непонятны ваши опасения по поводу иностранных разведок. Возможно ли сохранить в тайне подобный проект? Что касается моего старшего помощника, то это достойный человек, на которого я могу положиться во всем. А слухи о вашем появлении уже гуляют по Архангельску и всему побережью Мурмана. Правда, всего лишь слухи. Признаюсь, у меня к вам накопилось масса вопросов. Почему у ледохода под американским флагом самоедское название «Ямал». Откуда вы такие – русскоговорящие? И еще, но... но я, право, теряюсь...³¹³²

³¹ *Самоеды, самодийцы* – общее название коренных северных народов, прожи-

– Ну что ж. Пришло время удивлять. Мы не просто русскоговорящие, мы русские. В большом смысле этого слова, несмотря на наличие в экипаже и бурята и татарина. И ледокол построен на русской земле. И несет в себе столько технических совершенствий, что знай о них разведки других стран, их правители предпочли бы уничтожить судно, вместе с командой, нежели оно досталось кому-то иному. Поэтому нельзя допустить, чтобы о нас пронюхали на западе. Да и на востоке тоже. Война с Японией закончилась? Какой сейчас год, месяц?

Последние вопросы Чертóв задал совершенно неожиданно, без перехода, что Престин, не задумываясь, машинально ответил:

– Одна тысяча девятьсот четвертый, второе мая. Что-о-о?! Извольте шутить-с?

вающих в Архангельской губернии и Сибири. Название «самоеды» не имеет никакого отношения к людоедству.

³² Точное самоедское название полуострова Я-мал. Соединение слов Я (земля) и мал (конец).

Не подслушанный разговор

– Видал шхуну-паровичка? Какой чух-чух музейный... Мне, когда передали, что именно вы́дал наш старик на со-
вещании после Земли Франца, честно говоря, думал, у него
крыша поехала.

– Слухи и до этого ползли по ярусам – типа, что мы ока-
зались в прошлом... Вот тебе и свидетельство.

– И чего думаешь?

– А то! Че нам этот ледакол. Я так понял, наш Черт решил
с Россией оставаться. А скоро революция. Гражданская вой-
на. Можно и под раздачу попасть. И дальше – Первая миро-
вая, Вторая. Не будет покою и тепла в Европе. В Штаты по-
даваться надо. С нашими знаниями можно несказанно раз-
богатеть и жить вполне припеваючи.

– Конкретней. Какие знания? Политика? Предупредить
Франца Фердинанда о Гаврииле Принципе? Да нас раньше
за яйца подвешат с такими заявочками... Да и не поверят.

– Я о технике. Типа изобретение какое-нибудь запатенто-
вать.

– Чтобы подать патентную заявку, тоже нужны деньги. И
как вообще жить до того момента, пока раскрутимся? На-
чальный капитал однозначно нужен.

– Стянем чего-нибудь с судна. Продадим задорого. Пред-
ставь, за сколько ноут уйдет.

– Ты debil? Это технология, из-за которой нас, попади она в руки спецслужб, прикроют и не моргнут. А повторить ее мы не сможем. Надо что-то попроще.

– Ну да. Мáху дал. Надо подумать.

– Вот и подумай. Старпом уже суету развел. Библиотеку пересматривают. Надо подмазаться под это дело. Выудить себе рыбку лакомую. А вообще, чего тут думать. Мелочь на продажу наскребем – на хлеб-соль. А патентовать надо что-то попроще, что мы сами осилим, скопируем. Да чего там далеко ходить – ща все клепают, сварка только в экспериментах, если не ошибаюсь. Я на сварщика когда-то бурсу на три с плюсом отходил, и поработать пришлось немало. Тема известна от и до! У нас в цеху даже есть вполне компактный аппарат – упрям его, и в катер. Главное, время и место подгадать, чтобы до Норвегии хватило.

– Мля-я-я... Хватятся, на вертоле догонят. Еще и посекут с «калашей». Черт наш не простит ни за что. И морпех этот пассажиром – крутой парень.

– А мы спешить не будем. Рассчитаем, посчитаем, подготовимся, выгадаем момент, вертол стреножим, и тогда...

* * *

– Сто десять лет?! – Константин Иванович Престин только покачал головой, стараясь не смотреть на собеседника, посчитав, что тот немного не в себе. – Ваш корабль способен

проходить не только через льды, но и через время?

– Это было какое-то природное явление, феномен – вдруг все заволгло белым свечением, экипаж потерял сознание, судно шло неуправляемым! А когда мы очнулись, через несколько часов выяснили, что уже здесь. В девятисотых.

Капитан ледокола вовсе не пытался что-то доказывать и убеждать – говорил с такой печалью и задумчивостью, что почему-то хотелось ему верить. При упоминании о белом свечении вежливая улыбка Престина похолодела и моментально сползла с лица. Он немедленно вспомнил уже наблюдаемую им ранее аномалию, пришибленную команду норвежской шхуны и уходящий во льды красный силуэт.

Рука непроизвольно дернулась перекреститься. В благоговении. Потому что сотворить подобное под силу только Богу или дьяволу, а белый свет всегда ассоциировался с божественным проявлением.

И пусть Константин Иванович еще не принял это поразительное физическое явление на веру, оно еще не уложилось в голову, но он уже пробовал его на вкус своего разума, теперь иначе оценивая этот потрясающий ледокол, его тоннаж и мощь силовых установок. По-другому смотря на непривычную обстановку и предметы непонятного назначения.

– Сто десять лет! – повторил он чуть тише, но казалось, что эти «сто десять» теперь обрели весомость всех тех десятков лет, еще не прожитых, но уже как бы случившихся, –

сто десять лет смены дня и ночи, закатов и рассветов...

Вдруг нестерпимо захотелось расспросить, разузнать: «А что же будет, как дальше жить-то будем?»... И о себе захотелось, но тут же устыдился собственной гордыни: «Да кто я таков, чтобы обо мне помнили потомки».

Воображение прыгнуло амплитудой и снова упало в скепсис. Взяв себя в руки, отогнав волнуящее наваждение и свою наивность, Константин Иванович как можно строже заявил, покачивая головой:

– Мне трудно принять ваши слова на веру. Крайне трудно. Извольте...

– Да, етит твою! Иные вопросы без бутылки крепкого не разрулить и не понять! Мне проще показать, чем сказать, чтобы вы поверили, – Чертов залпом выплеснул позабытый и остывший кофе. Отыскал взглядом буфетчика, который, подав напитки и булочки, «спрятался на стреме» за стойкой раздачи, сделав ему знак, указал на телевизор: поставь чего-нибудь.

Висящий на стене здоровенный ЖК-экран был подсоединен к общесудовой телевизионной системе. Параллельно имел соединение с DVD-проигрывателем. С ним-то и стал возиться буфетчик, вогнав диск в приемник, перебирая пульта, выводил содержимое на обозрение.

– Понятие синематограф вам, естественно, знакомо...

Престин не ответил, уже глядя на засветившийся экран, на быструю смену цветных букв и обозначений. Потом по-

шел видеоролик.

Случайно ли! И откуда он взялся, но диск был пропагандистским фильмом о проходе эскадры Северного флота России арктическим морским путем. «Ямал» тогда тоже участвовал в проводке кораблей ВМФ через льды.

У Престина в буквальном смысле слова отвисла челюсть. Он даже не слышал, как вернулся мичман и его сопровождающий.

Чертóв принял доклад у начальника службы безопасности где и как разместили матросов с шхуны. Мичман же, позабыв все на свете, оторопел с открытым ртом, уставившись в открывшееся «окно» телевизора – в другую, невообразимую реальность.

А на экране, под бравые комментарии ведущего, сменялись кадры: узнаваемая красная надстройка ледокола с акульей улыбкой, очерченные серыми обводами боевые корабли, бредущие кильватерным караваном среди ледяного крошева.

Рисующий картографический штрих-пунктир пути из Баренца до моря Лаптевых. Винтокрылая тушка Ка-27, зависшая над палубой.

А затем флагманский крейсер феерически стал долбить ракетами, бомбометами и артиллерийскими установками, и кто-то из гостей невольно охнул в восхищении.

И диктор высоким тоном все напирает, гавкает: «Атомный крейсер, атомный флот...»

И бормочущий Чертов:

– Вот зараза, теперь вопросы задавать будут, что это такое – «атомный»?

И подкравшийся сзади лейтенант-морпех:

– Да не парьтесь вы, придумаем чего-нибудь. Наричательное оно типа! По фамилии спонсора-изобретателя, например. Отбрехаемся! Главное не это!!!

– А что же? – Капитан овладел пультом, суча пальцем по кнопкам, колеблясь, поставить на паузу-стоп, или пусть предки продолжают офигевать от футуристического завала.

– Я сегодня всю ночь не спал. Читал.

– Похвально...

– Ну не надо... будет вам подкалывать. Я проглотил «Крейсера» Пикуля и начал «Цусиму» Прибоя...

– Оп-па! Из судовой библиотеки? И чего?

– Андрей Анатольевич, но вы же понимаете, что ледокол просто просится выполнить свое предназначение...

– Охренеть, какими вы словами заговорили – «предназначение»!

– Но это такой интересный шанс! Вы же сможете провести Вторую Тихоокеанскую эскадру Рождественского Северным морским путем?

Капитан откинулся в кресле, с интересом взглянув на лейтенанта, как бы оценивая.

– У меня тоже мелькнула подобная мысль. Но всю эскадру будет сложно, практически нереально.

– А всю и не надо, достаточно быстроходных крейсеров, – продолжал нашептывать лейтенант. – Я, когда про рейды Владивостокского отряда читал, подумал, а если бы им радар, да они вообще бы такое вытворяли... И Камимуру щипали прям ночью... как со слепым игрались бы.

– Камимура... это японский адмирал, видимо? Запомнялся.

– Да.

– Ага. Но повторю – провести всю ораву, включая суда снабжения, нам будет крайне сложно. Если только пару-тройку кораблей. И-и-и... желательно броненосцев – у них поясная броня, им легче во льдах будет, – капитан взял лист бумаги и стал задумчиво черкать на нем бессмысленные линии – вероятно, ему так лучше думалось. – Вы просто не представляете, с какими трудностями сопряжен подобный поход. Организационно и исполнительно. Допустим, мы сможем заинтересовать российское адмиралтейство и царя (без его позволения такие решения, естественно, приниматься не будут). Так вот, какие корабли будут участвовать в походе? Какова их дальность плавания? Угольщики с собой тянуть придется однозначно. Я когда-то читал, что эскадра Рождественского шла с постоянным угольным перегрузом. Но во льдах, возможно, это даже плюсом – ниже осадка, ниже винты и броневой пояс. В общем, надо считать, просчитывать, согласовывать... А радар с ледокола снимать я не стану. Категорически.

– А если на сам «Ямал» воткнуть оружие? А? И в рейд на коммуникации противника! В проектах наших ледоколов, насколько я знаю, были заложены мобилизационные потенциалы.

– Фы! Потенциалы! – передразнил капитан. – У нас все что ни строилось – под войну было заточено. На «Арктику» орудия ставили, даже постреляли. На «Ямале» пушек отродясь не было. Однако фундамент под артустановку на верхней палубе полуюта имеется. И один из радаров у нас как раз таки военного типа – система наведения, целеуказание, то-се. Курсы теории в обязательку я прослушал, кстати. Зачет сдал на «пять». Но все это ерунда. Сам же говорил – ледокол для этого времени бесценный артефакт. Полностью с этим согласен, и рисковать им я ни в коем случае не стану. Ко всему спускаться к тропикам нам не рекомендуется – наш атомоход исключительно ледового класса, для холодных широт. Система охлаждения оптимальна до температуры забортной воды в десять градусов. Выше – будет падать мощность. Короче, перегреемся.

Морпех как и не обратил внимания на последние аргументы капитана. За чтивом Пикуля у него зрели такие грандиозные планы, отказаться от которых он никак не желал. Волкову непременно хотелось отыгаться за поражение и навалить япошкам: «Ну, хорошо. В принципе, кэп прав, кораблем рисковать действительно глупо. Но ведь можно действо-

вать в составе группы... издаля. Э-эх, тут главное до царских адмиралов достучаться, чтобы поверили и добро дали. Эти два гостя уже с потрохами наши, в плане доверия – вон как пялятся в телевизор!»

На экране рычала десантная техника, гудел транспортный самолет, мелькал Андреевский флаг.

– Смотрите, как предков зацепило. Они даже на вопросы не отвлекаются – боятся пропустить зрелище.

– А вы не смейтесь. Вас бы на их место. Хотя нам на нашем тоже нелегко.

– Есть немного, – Волков прямо посмотрел в глаза капитану, – Андрей Анатольевич. Нам надо посылать человека с доказательствами в Питер. Делегата к царю. Иначе никак. А? А вообще в таких условиях объявляется военное положение...

– Организуется штаб, назначаются мудрые и решительные командиры, – с легкой поддевкой продолжил капитан. И уже совершенно серьезно: – Конечно, так и надо, но придется... в общем, народ мне собирать придется. Совет держать будем.

– Решили поиграть в демократию?

– Навроде, – опустил голову в раздумьях, не глядя на собеседника. Однако на заметное презрение в слове «демократия» слегка вспылil. – А как иначе? Пусть у меня на ключевых должностях отставники из военных. Этим-то ничего объяснять не надо – поймут и одобряют. Но есть мужики и с норовом. И молодняк – дрищи по сути. И пара-тройка бла-

ных на тепленькие места.

– Хрена себе – в Арктику на тепленькие места...

– Ну, вот так! Мне важней убедить своих людей в правильности выбранных решений, чтобы не бояться кинжала в спину. У них контракты, а условия изменились. Вот и посмотрю: кто начнет артачиться, кто морду скривит, а кто...

– А что не доглядим – камера зафиксирует, – почти зловеще поддержал кэпа начальник безопасности, который до поры сидел, слушал, размешивал сахар в кофе.

– А тебе, Валерич, далее – все по-серьезному, – кэп заговорил чуть тише, – для начала расставь вооруженную охрану, кто у тебя там понадежней. Но без лишней помпы, чтоб народ раньше срока не будоражить.

– Гражданских в такой ситуации и на охрану? – кисло слил старлей.

– У нас тоже проводилась военно-морская подготовка. Регулярно. Пусть для большинства это и был головняк. И есть штатные мероприятия на случай военных действий. Вот опираясь на них и будем действовать. Пока. Вы, товарищ старший лейтенант, и ваши люди переходите в подчинение моему помощнику по безопасности. Он и опыт по судну имеет, и старше вас в звании. Прошу любить и жаловать – Шпаковский Вадим Валерьевич, капитан второго ранга запаса, бывший старпом командира на РПКСН. Кстати, Вадим Валерьевич. Те два деятеля с «четырнадцатой» и «шестнадца-

той» – выяснил?³³

– Ага. Они, оказывается, инженеры с казанского ОКБ «Сокол». А в ящиках у них три беспилотника – испытания экспериментальных моделей по программе мониторинга ледовой обстановки и контроля метеоусловий.

– М-м-м, – проурчал капитан, – как кстати! А чего это они за все время о себе ни-ни? Ни словом ни рылом?

– Да... у них коньяк с собой был.

– Что это за разгильдяйство?

– Уже кончился, – ухмыляясь, успокоил помощник.

– Хорошо! Теперь с военным грузом. Армейские контейнеры специально так ставили, чтобы не усложняться с караулом. До них только краном долезть или автогеном.

– Автогеном только полный дебил полезет, – хмыкнул начбезопасности.

– Да, да... – даже не поморщившись, согласился капитан, – так вот, теперь их берем на особый контроль. Следующее – вертолет и все плавсредства. И, конечно же, силовая установка.

– Тут все понятно, – Шпаковский, наконец, домучил свой кофе, – а что предложим людям? Экипажу. В принципе.

– Да что... – Чертов сдвинул и без того хмурые брови, – приватизируем мы ледокол со всем содержимым и потрохами. Всеми членами команды... и вами, товарищ старший лейтенант, и вашими ребятами в том числе, и тем с «Сокола»

³³ РПКСН – ракетный подводный крейсер стратегического назначения.

тоже. Чтобы все поняли, что они теперь в доле. Но с подчинением согласно расписанию военного времени.

– То есть все? – переспросил лейтенант.

– Да, судно, груз... и военный, естественно.

– А личное оружие?

– Какое это личное? Вот, например, «Сайга», которую вам выдавали на вылазку – моя личная, куплена по охотничьему билету. А «гюрза» ваша, как ни крути, была государственной. Но вы не переживайте, – капитан примиряюще улыбнулся, глядя, как напрягся офицер, – отбирать игрушку у вас не станут. Вас же не заставят управлять реактором. Вот и будете на том месте, где вы лучше всего. Каждый будет заниматься своим делом. И получать будут в равных долях: как за проводку кораблей Рождественского через льды, так и за все технические ништяки, которые мы реализуем.

– Ого, подход! – крикнул отставной кавторанг и покачал головой. – Но народу это, ясное дело, понравится. Сколько ж с царя-батюшки сдерем? Наличностью...

– Вот и посчитайте на досуге. Но просто не будет. Это пока планы... ох и намаемся! Нам именно поэтому держаться надо всем вместе. Иначе кинут, на куски порвут, царские «охранки» и прочие интуристские спецслужбы.

– Между прочим, – Шпаковский зыркнул на экран, – фильма, по-моему, заканчивается. Куда гостей девать будем? Без присмотра их же не оставишь. На собрании, как я понимаю, нужны будут все члены экипажа.

– Всех не получится – вахта... Спровадить на шхуну? Как-то невежливо. Тем более с ними еще столько дел и работы...

– А какие сложности? – немного удивился Волков. – Пусть остаются?

– И как вы себе это представляете? Пригласить их в общий зал со всеми? Я уже чую, что без споров не обойдется. А царские товарищи – они привыкли к другим взаимоотношениям между капитаном корабля и подчиненными. Подумают, что у нас вообще бардак. Да и ни к чему им многое знать о нашей внутрисудовой политической кухне.

– Конечно же нет! – Лейтенант искренне возмутился, что ему могли приписать такую глупость. – Я другое имел в виду. Озадачу сержанта и пару моих бойцов – люди проверенные, все, что я ни решу, примут. Они и присмотрят.

– А и то верно, – поддержал начбезопасности, – а то выдумываем всякие сложности. Матросов с шхуны разместили в простой четырехместке. Покормили. Я как знал, что затянется надолго – журналы на скуку какие-то про зверушек-природу незатейливые подкинул. Нечего им про будущее знать. Даты маркером замазал. И офицеров, не мудрствуя, занять фильмой часа на два с половиной... Главное, чтобы гости не совали свой нос куда не следует и не сломали чего по незнанию. То есть до галюна и обратно.

– Фильмой, – сварливо повторил кэп, – им бы чего про войну, корабли, пушки, а у нас по этой теме практически все советское, без орлов, в звездах да краснознаменное. А

я думаю и настаиваю, не надо им пока про СССР, про революцию и пьяных кронштадтских матросиков знать. Престин этот из простых выбился, штурманяга. Но наверх он доклад составит однозначно. В общем, ставь фильму какую хочешь, но что-нибудь нейтральное, хоть «Иронию судьбы с паром». Кстати, вариант – про жизнь нашу обычную. Мы ж тоже люди.

Экран телевизора замерцал – не титры, но понятно, что конец программы. Гости закрутили головами, стали оглядываться.

– Все, мужики. Сейчас мне будут задавать кучу вопросов, а вы...

Чертóв встал из-за стола. Вслед за ним поднялись подчиненные. Вскочили и царские офицеры, но по другому поводу. В обеденный зал выплыла Наташа! Медсестра. При этом не с входа, где дежурил матрос «никого не впускать, кроме...», а со стороны кухни. А значит...

«Ага! А вот и вторая!»

За стойкой маячила чуть полноватая фигура второго члена экипажа женского рода – буфетчица Зиночка.³⁴

«Вот мне еще возможная потенциальная заморочка в старорежимной России, – посетовал капитан, – вышли они, мля, на мужиков ископаемых взглянуть!»

³⁴ От автора. Прошу простить, но не мог удержаться от стереотипного «буфетчица Зиночка».

Эти две вполне симпатичные барыши, разменяв свою тридцаточку с рождения, были на флоте уже немало. Умело лавируя среди доминирующего мужского контингента, особых проблем не создавали.

Сам Чертов к женщинам (в принципе) относился двояко: любил за то самое лучшее их проявление – женственность (и все, что с этим связано), и ненавидел за стервозность, особенно когда они используют свое основное оружие – повышенную говорливость и истеричность.

– Так, а это что за?.. Кому-то плохо, требуется валерьяна или внутримышечный кубик?

– Андрей Анатольевич, – тут же вступившись, залепетала буфетчица, – у меня смена, время обеденное...

Хотел сказать «а ну, брысь отсель!», но пришлось корректировать начальственный гнев под учтивыми взглядами чужаков с иными понятиями на обращение с женщинами. Тем более что ни одна, ни другая на служанок не катили – успели подмазаться, подкраситься. Наташа напаялила совсем не медицинский халатик, да и Зина далеко не в буфетческом переднике с кокошником.

«Вырядились, мля!»

– Так! – Чертов повернулся к своим силовикам, которые (что молодой, что отставник) неприкрыто лыбились на ситуацию. – Задача поставлена. Выполнять. Через тридцать-сорок минут жду доклада и собираю экипаж по трансляции в

конференц-зале. А мне тут...

Чтоб не спугнуть тишину...

*Не заснуть в эту ночь.
Звезды тонут в падающем снеге.
Замер в ожидании и неге.
Чистый – воздух.*

Осыпаемый вялым снежным безветрием, в белом рассеянье полярного солнцестояния, «Лейтенант Скуратов» неторопливо втянулся в Екатерининскую гавань.

Узкая, растянутая на четыре километра в длину и всего полтора километра в ширину, бухта практически никогда не замерзала зимой и прекрасно была защищена от океанского волнения.

Никем не встречаемый, пароход прошел вдоль обрывистых, убеленных сугробами берегов, забирая левее к вырубленной в сплошной скале пристани Екатерининского острова.

Отработав машинами, судно мягко ткнулось левым бортом в деревянный причал.

Кинули сходни, матросы закрепили «концы» заведомо со слабиной, рассчитывая потравить при подъеме приливной воды.

Константин Иванович Престин бегло осмотрел домики научно-промысловой экспедиции, не заметив ни души.

«Хорошо, что пришвартовались сюда, нам пока лишние

зеваки ни к чему».

Развернулся в сторону противоположного берега, отыскал взглядом смутно виднеющуюся выше по горе церковь. Привычно перекрестился.

Александровск еще спал. На городской пристани кто-то уже возился, поморский карбас отошел от берега, буксируя за собой пару каяков...

Но на прибывшее судно никто внимания не обращал.

«Почти двухнедельное отсутствие “Скуратова” как и не заметили. И то ладно. До прилива пройду “переймой”, а назад шлюпкой...»³⁵

За спиной слышались голоса – на палубу поднялись пассажиры.

Щелкнули с характерным шипением их газовые зажигалки.

«Эти их зажигалки. Пьезо. Ему одну такую подарили. По секрету. Их на судне, говорили, целая коробка – на сувениры. Надо ж – они возят туристов на полюс! На одной стороне у нее все то же – “Росатомфлот”, на другой стилизованное изображение ледокола “Ямал”. И... “сделано в Китае”. С одной стороны, “подумать только – китайцы!”, а с другой –

³⁵ В Екатерининской гавани близость океана способствует заметным перепадам приливов и отливов. Во время отлива в юго-восточной части гавани между Екатерининским островом и континентальной частью Кольского полуострова обнажается перешеек, длиной не больше 200 метров. Местные называют его переймой.

видел он всякие китайские фарфоровые штучки... Поэтому не удивился».

Потянуло мягким табачным дымком, послышалось довольное мычание, похожее на мелодию. И даже оглядываться не надо было, чтобы понять – улыбаются!

– Здравия желаем Константин Иванович! Прибыли? Утро? – И без перехода: – Я утром снежно свеж. Я утром из надежд. Пью чай... встречай... день новый у порога – дорога!

«Непрошибаемые!» – непроизвольно покачал головой Престин. Если верить этим путешественникам во времени... потомкам (как только он их ни называл, но так и не выбрал удобное и правильное), для них переброс на сто десять лет назад был неожиданным, нежеланным. Видно было, что там позади в их столетии осталась весьма комфортная, пусть не без своих сложностей... и такая непонятная жизнь. Там остались дома, семьи, друзья. А они... попав в прошлое, словно с одного континента на другой перелетели. (Показывали ему, как в будущем несколько часов на самолете – и ты уже из Москвы в Австралии.) За те три дня, что он был на борту того великолепного судна, много чего успел увидеть, мало что смог понять, и тем не менее даже этого малого ему хватило с лихвой. Подумать только – люди взлетели выше неба! И что особенно возгордило, что именно русский человек был первым. А американцы побывали на Луне.

И вспомнил полную желтоватую луну, и представил, как по ней ходит (вниз головой к Земле) человек.

«Невообразимо! Просто невероятно!»

– Ничего, теперь нашими усилиями и вашим стараниями русский человек везде будет первым, – хлопал его по плечу главный инженер судна, – для начала чутка подмогнем японцев победить...

Непробиваемые! Они (далеко не простые матросы, почти все с инженерным, многие с военным образованием), то переругиваясь меж собой, то совершенно без стеснения хохоча, живо принимались строить планы по техническому перевооружению России. Некоторые с таким завидным энтузиазмом, что казалось, всю жизнь только и ждали подобного случая. И все у них то серьезно, то шутя... и пойдя разбери.

– Вы, Константин Иванович, теперича носитель секретной информации, вас теперь жандармы царева запросто могут упечь в острог, дабы исключить любую попытку лишней болтовни.

– Я болтать не собираюсь...

– Так выкрадут агенты-шпионы иностранных разведок. А под пытками того, чего и не знал, расскажешь. У вас есть пистолет... э-э-э... револьвер? Обязательно прикупите. Всяко может статься – пригодится.

Шутки шутками, но зарубочку себе сделал.

За то время, что Константин Иванович провел среди по-

томков, перед телевизором и за основательными беседами, на его бедную голову свалилось столько, что он порой ощущал ее – не опухла ли.

О! Без сомнения – ему было жутко интересно, но мозг просто не успевал перерабатывать и осмысливать полученную информацию.

– Ваша проблема, что вы пытаетесь разобраться в принципах, понять, как работает та или иная техническая штука. То же самое в культурологическом плане. Не сто́ит заморачиваться... э-э-э... усложнять себя. Не это главное. Принимайте как данность, – советовал ему капитан, – главное, что это возможно, это работает и так будет.

– Господа, господа, – недоумевалось в ответ, – мне, несомненно, льстит ваше внимание, но позвольте... зачем вы уделяете мне столько времени? У вас будут гости поважней.

– Совершенно верно! Предполагаю, что встречи предстоят на самом высоком уровне. Сейчас мы практически всем экипажем заняты подборкой материалов – что предложить руководству империи, скорее всего самому царю. Только вот мы немного не в теме, так сказать. Что-то будет, простите, для аборигенов совершенно непонятно, что-то потребует оговорок, что-то вообще будет звучать, например, оскорбительно. И пусть на начальном этапе (и в основном) нам предстоит общаться с благородиями, тем не менее – вы средне-статистический подданный. Мы на вас тренируемся, как бы ни цинично это звучало.

Но почему-то больше всего его пробрало, когда капитан ледокола, как змей искуситель (все ж фамилия его никак не притиралась на слух и язык), пригласил к себе в каюту, включил один из своих приборов с экраном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.